

НИКА ЁРШ

ИДЕАЛЬНАЯ
ПОМОЩНИЦА
РАСТИФОРА

ИДДК

Ника Ёрш

Идеальная помощница

Растифора

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65885969

Аннотация

– Берегись. Хорошего не жди! – прокричал ворон при виде меня... и накаркал, собака!

Мало мне было провалиться в чужой мир и оказаться магически привязанной к местному хаму, балагуру и разгильдяю в одном лице! Мало было получить в довесок говорящие тапки, мнящие себя моими духовными наставниками! Так нет, еще и тело предает, совершенно игнорируя вялые попытки разума быть умницей...

Меня зовут Соломинка Ада, и я очень постараюсь держаться за... тьфу! С достоинством!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	55
Глава 4	79
Глава 5	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ника Ёрш

Идеальная помощница

Растифора

Пролог

– Проспала!!! – Резко вскочив с кровати, посмотрела на экран мобильного и, откинув его в сторону, бегом помчалась в ванную приводить себя в порядок.

В голове почему-то шумело, во рту пересохло, а в глазах саднило. Будто пила или рыдала всю ночь... По пути споткнулась о любимые розовые тапки в виде зайчиков с умильными мосяками и тут же натянула их на ноги. Стало теплее и немного спокойнее.

– Ну как же так? – запричитала я, подойдя к зеркалу в ванной и глядя на отражение.

Припухшее после беспокойного сна лицо не радовало. Русые волосы стояли дыбом, сбившись в одну сторону; в больших голубых глазах плескался ужас.

– Как я в таком виде на собеседовании покажусь?! – прошептала, напрасно пытаясь разгладить ладонью отпечаток смятой подушки на правой щеке. – Ну за что мне это?! Может, я от нервов отекла? Бывает такое?

Последний вопрос адресовала своим любимым тапочкам. Увы, несколько недель подряд лишь они были моими собеседниками, потому что от людей я предпочитала держаться как можно дальше: устала от соболезований и грустных взглядов. Самой себя так жалко, хоть на луну вой. Хотя и была пару раз, чего уж скрывать; а недавно выбралась ночью на балкон и скулила так, что наутро голос потеряла. Потом даже сосед приходил, просил приструнить щенка...

Я обещала сделать несуществующему животному внушение и вновь закрылась на все замки.

Дома было по-своему хорошо – тихо, темно и бабушкин запах все еще витал в воздухе, будто она отлучилась на час-другой и скоро вернется.

Многих наша квартира ввергала в пучину тоски, ведь даже в солнечную погоду здесь было сумрачно и сыро. Приходящие гости – в основном бабулины подружки – говорили, что у жилища отвратительная аура. Они же давали бесплатные советы, как надо сделать обмен с доплатой, куда написать заявление о ветхом жилье, или предлагали продать квартиру, купив новую в ипотеку. Бабушка скупно улыбалась и умело переводила темы, а я все больше закипала внутренне.

Уже несколько лет злость и страх потери были моими постоянными спутниками.

Бабушка болела. Сильно. Я много работала, при этом тратя большую часть средств на ее лечение. А в свободное время стучалась во все инстанции, требуя переселить нас из вет-

хого жилища. Однако пока ничего не выходило. Казалось, хуже не придумать, но... все познается в сравнении.

Позже, когда бабушки все же не стало, выяснилось необычное: вечная борьба за наше выживание не столько вредила, сколько держала меня в тонусе, давала сил вставать по утрам и идти дальше. Тогда я сердилась, зато была активной, живой.

Но в сентябре бабушки не стало.

Она просто пожелала мне спокойной ночи, поцеловала в лоб и... не проснулась утром. Мне бы хотелось сказать, что я плохо спала в ту ночь, что чувствовала ее боль или подсознательно испытывала новые странные эмоции, вот только это неправда. Я прекрасно выспалась, а проснувшись, еще час пребывала в блаженном неведении о том, что теперь одна в целом мире...

С уходом последнего родного человека я лишилась внутреннего стержня. Сломалась. Пропала цель, а надежда захлебнулась от печали. На смену им пришла боль... едкая, желчная, разъедающая изнутри. Ее было так много, что я тонула в ней, теряя остатки былой доброты и веры в лучшее.

И все же по инерции я продолжала двигаться. Вставала, делала что-то, куда-то шла. Безразлично плыла по течению.

Похоронив бабулю, вышла на работу, собираясь пахать как ненормальная, чтобы забыться, и узнала, что попала под сокращение.

– У ресторана тяжелые времена, – слышала словно через

вату, – прости. Нам и самим, похоже, придется закрыться. Аделина, слышишь?

– Да.

– Мы тут собрали кое-что персоналом, материальную поддержку тебе... Не пропадай, ладно?

Я кивнула. Говорить не могла – не осталось сил.

А дома ждали четыре стены и ненавистный вид из окна, вечно пребывающего в серой промозглой тени. Тогда пришли апатия и тоска, ставшие моими верными спутниками надолго.

Почти два месяца я просидела в квартире, погружаясь в ее темноту и сырость – хоть какая-то гармония с тем, что царило в душе. Ночами мне снились удивительно реалистичные кошмары, от которых я просыпалась с криком. А днями я ела, пила, смотрела телевизор, слушала музыку и... говорила с розовыми тапками-зайцами. Это вышло само собой, их забавные моськи излучали внимание, а мне казалось жизненно необходимым общаться хоть с кем-то...

Наверное, я бы окончательно свихнулась, вот только деньги, выплаченные по сокращению и собранные бывшими коллегами, кончились, а сходить с ума на голодный желудок, как выяснилось, очень неприятно.

Из гадких мыслей в реальность меня вернул шум бегущей по старым трубам воды. Вздвогнув, я снова посмотрела в зеркало, где увидела свое перекошенное от злости и обиды лицо. Брр – аж самой не по себе. В кого я превратилась?

Сначала меня подкосила борьба за жизнь бабушки и работа в две смены, а потом добились попытки не раствориться в жуткой пустоте, разрастающейся внутри...

— Пора приходить в себя, — с показным воодушевлением заявила помятому отражению и достала из шкафчика косметичку с расческой.

Аккуратно причесала чуть выющиеся русые волосы, подхватила с сушилки заранее приготовленный комплект белья и, надев его, накинула сверху шелковый халат. Вот так. Новая жизнь всегда должна начинаться с приятных вещей и запаха свежести.

Умывшись, принялась торопливо замазывать тональником синяки под глазами. Выходило плохо: мало того, что отвыкла наводить красоту, так еще и руки слегка дрожали от слабости.

— Ничего, вот возьмут меня на работу, и прежние навыки вернуться, — бубнила, глядя на себя в зеркале. Потянувшись за тушью, глянула на тапки и сообщила им: — Сегодня моя жизнь начнет меняться к лучшему, говорю вам точно! Даже несмотря на приснившийся кошмар...

Тут я припомнила, как во сне меня что-то тянуло в черную дыру и звало на несколько голосов. Сначала я не понимала, что мне говорят, а в конце услышала «Прими наш дар, чудовище...» — и все оборвалось.

— Чудовище, — повторила я, посмотрев на себя в зеркало. Пожав плечами, добавила еще один слой тональника и, при-

помяная русские сказки, забурчала: – Перед тем как обзаваться на замученную девушку, накормите, напоите и отвезите к морю на полный пансион...

Схватив тушь, я нервно принялась красить правый глаз.

Надо же было постоянно вскакивать ни свет ни заря, чтобы именно сегодня заснуть, как сурок, и смотреть кошмары про всяких там до победного! Из-за переживаний в животе все скрутило тугим комком и даже в глазах помутилось, от чего отражение поплыло, будто растворяясь в зеркале.

Я зажмурилась и постаралась дышать как можно спокойнее, прогоняя накотившую тошноту. Вот только лучше не становилось.

– Да что это такое? – пробормотала, открывая глаза и тут же отступая на шаг. Передо мной по-прежнему было зеркало, но теперь сильно увеличенное в размерах! Вместо гладкой поверхности в нем переливались серебристые волны и мелькали цветные всполохи.

– Та-ак, – протянула я, лихорадочно соображая, что со мной и как быть дальше.

«Выпить что-то от мигреней? Вызвать скорую? Начать молиться?» – в панике мозг просто фонтанировал идеями. Но пока голова соображала, как поступить логичнее, язык жил своей жизнью.

– Кыш! – заорала я на зеркало. – Брысь! Фу. Пошло вон!

Голубое пространство, будто в отместку, расширилось еще больше и, кажется, чуть подалось вперед. Или это я кач-

нулась?

«Кошмар в кошмаре! – подумала практически облегченно. – Это сон!»

– Ну конечно, я просто не проснулась! – сообщила громко зеркалу. – Бывает же такое.

Приблизив к нему лицо, подмигнула своему кривому «плывущему» отражению накрашенным глазом и доверительно предупредила:

– Сейчас я проснусь, и все должно прекратиться. Один...

Крепче сжав кисточку от туши, все еще находящуюся в правой руке, ощутила легкое головокружение.

– Два...

В животе начался просто ураган, благо я ничего не ела с утра.

– Три... – прохрипела, понимая, что оседаю на пол, теряя контроль над собственным телом.

Упала на колени и на миг утратила возможность шевелиться. Рядом рухнула косметичка, содержимое которой разлетелось по полу. Я же открыла рот, набрала воздуха в легкие и собралась кричать, но... лишь невнятно крикнула, когда неправильное зеркало резво полетело вперед, явно целясь в меня!

Игнорируя раковину, оно разрасталось, расширялось, окончательно превращаясь в нечто наподобие огромного 3D-водного экрана со смерчем внутри.

Я попятилась, отталкиваясь ногами и скользя попой по

полу, одновременно шаря вокруг руками в попытке найти, чем отбиться от глюков.

Схватила несколько предметов сразу и швырнула перед собой. Тональник и помада должны были разбить зеркало, но вместо этого красиво закружились в нем по спирали, удаляясь...

– Нет! – закричала я, мотнув головой.

И тут же по всей ванной ударило ослепительное сияние. Зажмурившись, я вцепилась во что-то на полу и завизжала.

Меня тряхнуло, с силой рвануло вперед, и весь мир пошатнулся, схлопнувшись позади с тихим «памс». В ушах зазвенело, будто от резкой смены давления, а затем, на безумно долгие несколько мгновений, меня оглушило сверхъестественной тишиной.

Я летела в сияющую синеву смерча, ослепленная и онемевшая от страха. Вяло размахивая руками, разинув рот в беззвучном крике и кренясь вперед то головой, то задом, я щурилась, пытаюсь понять, где нахожусь, но не могла обнаружить ни границ, ни выхода.

Дикое, обезоруживающее, угнетающее чувство безысходности заставило лихорадочно соображать, как подобное могло приключиться. И мозг нашел единственный вероятный ответ – жизнь кончена.

«Сердце прихватило! Инфаркт, – меланхолично диагностировала я увиденное вокруг. – Душа покинула бречное тело. Сейчас придет покой. Вот сейчас...»

Но вместо покоя синева впереди ощерилась в кривом оскале, быстро разрастающемся до нового неправильного зеркала, а пустота вокруг смиростивилась и совершенно невоспитанно выплюнула меня наружу.

«Вот и рай!» – успела подумать, пролетая задом вперед, к лучшей духовной жизни. Перед глазами мелькнула красная вспышка, резкий порыв ветра развернул меня, и на свет я все же выскочила лицом к высшим силам, кем бы они ни были.

Приземлилась, как ни странно, на ноги. По инерции еще и пробежалась вперед, ударившись о твердую поверхность ногой. Остановилась, подозревая неладное. «Разве душа может чувствовать боль?! – подумала, не позволяя себе открыть глаза. – И покоя пока не ощущается...»

Шумно дыша, уперлась руками в твердую поверхность, зажмурилась и замерла, боясь пошевелиться. Не знаю, смогла бы я когда-нибудь вообще отмереть, если бы не громкое весомое «Кар-р-р» рядом.

Я ошалело распахнула глаза и уставилась на собственные руки. Одна держала кисточку от туши, а во второй оказалось зажато складное зеркальце. Медленно положив предметы перед собой, облизнула пересохшие губы и наконец решилась поднять голову, чтобы посмотреть на птицу.

И до чего же было неожиданно встретиться с задумчивым взглядом сидящего напротив мужчины.

– Доброе утро, – проговорила я, попытавшись улыбнуться, вот только губы не слушались. Их левый уголок несколь-

ко раз дернулся вместе со щекой, плавно переходя на веко. Кажется, у меня начался нервный тик, а там и до второго инфаркта недалеко. Так что я поспешила прояснить ситуацию: – Вы тоже из зеркала?

Глава 1

Роковая ошибка

Костлявая рука накрыла его лицо. Голос – скрипучий, холодный, как сама смерть – раздался над головой Кайрида:

– Хозяин. Не спать. Вы-ы-ызов.

Он с трудом приоткрыл один глаз и провел сухим языком по потрескавшимся губам.

– Пить, – просипел, поворачиваясь на бок и осматриваясь в поисках жидкости.

На тумбе у кровати нашлась початая мутно-зеленая бутылка. Но стоило ему к ней потянуться, как Бустияр – скелет, прислуживающий Кайриду, вложил в руку стакан.

– Вода, – проскрипел костлявый. – Пить.

– Чтоб ты с... – Кайрид посмотрел на Бустияра и, вспомнив, что тот и без того давно мертв, поморщился: – А, ну да, ты же уже.

Прильнув к стакану, Растифор осушил его содержимое, уточняя:

– Что за вызов?

– Чарр. – Бустияр ткнул костлявым пальцем Кайриду в ухо. – Светится.

Растифор тронул клипсу, выполненную в виде черепа, и тут же почувствовал легкие уколы в подушечках пальцев. Го-

лова заболела с новой силой – чужие размытые воспоминания замелькали перед глазами.

– Да он издевается, – промямлил Кайрид, нехотя поднимаясь с постели. Благо уснул он прямо в мантии, и теперь не нужно было терять времени на поиск одежды.

Поднявшись, Кайрид замер ненадолго – пришлось переждать пару мгновений, привыкая к вертикальному положению. Затем, сделав несколько шагов вперед, он раскинул руки в стороны, проверяя, хватает ли пространства вокруг для телепортации.

– Чтоб вас всех, – пробормотал, убедившись, что все сделано по правилам, и, уже открывая портал в подземелье, бросил скелету: – На завтрак не жди.

Привычное чувство жжения в груди сменилось тяжелеющими ногами и рывком вниз. Кайрида мутило, дыхание сбилось. Злость, так тщательно запрятанная подальше, недовольно всколыхнулась в нем, приподнимая голову и жаждая расправы. Все в это утро было против него! Еще и выкинуло из портала не там, где было запланировано: в середине зигзагообразного коридора. Хорошо хоть, подземельем не ошибся с похмелья.

Кайрид тихо выругался и, вынув один из факелов, прикрепленных к сырой стене, двинулся к шестой аудитории. Уже через пару минут воздух комом встал в горле, а ноги совсем перестали слушаться, то и дело путаясь друг в друге.

Наконец, когда Растифор всерьез подумал вернуться, сде-

лав вид, будто не получил послание одного из своих горе-студентов, впереди забрезжил жиденький красный свет.

– Сюда! – тут же услышал Растифор знакомый до боли голос. Похоже, его также заметили.

Из-за последнего поворота показался громила Листар. Пружиня на месте, он размахивал факелом, от чего во все стороны разлетались снопы искр.

Растифор погладил вновь взбунтовавшийся желудок, потер слезящиеся глаза.

– Господин Растифор! Наконец-то! Понимаете, мы не нарочно... – Листар сбился, пристально всматриваясь в подошедшего Кайрида. Вдоволь наигравшись в гляделки, он недовольно цыкнул и отвернулся, громко сопя.

– Ну? – рявкнул Растифор, переводя дыхание после непривычно долгой и быстрой прогулки. Опершись одной рукой о стену, а второй массируя грудную клетку, он хрипло уточнил: – Что за вопрос жизни и смерти, господин Коун? Кто умирает?

– Судя по виду, вы, господин Растифор, – буркнул окончательно обнаглевший некромант из доверенного Кайриду потока. – Если б я знал, что у вас снова эти дни...

Растифор поморщился, представив, как выглядит из-за временного загула в «Приюте нежности», и прервал студента, грозно рявкнув:

– Исходя из того, как ты ноешь, вам снова нужна помощь! Так что или говори, или я ухожу.

Подняв руку, он вставил свой факел в свободный держатель рядом с Листаром и, повернувшись, всмотрелся в лицо студента. Глубоко посаженные глаза того казались черными провалами, широкий кривой нос выглядел еще шире и кривее, а крупные губы парня выгнулись дугой от недовольства. Так и не скажешь, что Коун из великого, но канувшего в небытие рода...

Растифор был одного роста с этим коротко стриженным блондинистым шкафом, но в который раз невольно подумал, что не хотел бы попасть ему под горячую руку. Силищи у Листара было столько, что на мозги почти не осталось места. Вот и теперь, вместо того чтобы спасти сотоварищей, он недовольно пыхтел, утомляя и без того злого наставника.

– Ну?! – Кайрид подался вперед и потребовал: – Лапушка, ты влюбился? Можем перейти к следующему этапу наших отношений?

Листар чем-то подавился, закашлялся и быстро отвернулся в сторону приоткрытой двери, сообщая в излюбленной манере:

– Там. Вы сами поймете.

Растифор тут же прикрыл нещадно жгущие глаза и немного спустил эмпатическую защиту, впуская в себя вертеп чужих чувств.

Сначала пришло волнение Листара, стоящего ближе всех. Этот мерзавец жутко нервничал и едва держал темную силу в узде.

Затем донеслись отголоски эмоций остальных студентов. Страх, тревога, трепет, азарт, нежелание сдаваться...

Растифор открыл глаза, возвращая защиту на место. В подземелье, как всегда, было сыро и холодно, но ему стало жарко – внутренности просто горели от плохого предчувствия. Уставившись на Коуна, он взглядом потребовал пояснений.

Листар потупил взор и шаркнул ногой, словно девочка-цветочек.

– Там наши... – нехотя начал он. – Все шестеро. Но только пять в пентаграмме. Мы призвали кого-то из параллели. Случайно, честное слово...

– Чего? – Горло Растифора свело от спазма, он прокашлялся и переспросил обманчиво спокойным тоном: – Случайно призвали кого-то из параллели, Листар? Тварь Приграничья захотелось посмотреть? Я не ослышался?

– Знаю, звучит не очень хорошо, но мы ж не хотели.

– Звучит не очень?! – Кровь ударила Кайриду в голову, зашумела в ушах.

– Ага.

– Но вы же не хотели... – Растифор улыбнулся почти ласково.

Листар отшатнулся:

– Да чего вы взъелись-то?! Говорю, мы не думали, что все так...

Руки Растифора сами потянулись к шее здоровяка, но,

прежде чем они достигли цели, случилась странность. Самая надежная башня академии, защищенная всеми возможными и невозможными заклинаниями от и до, содрогнулась.

Стены завибрировали, полы задрожали. Дверь в шестую аудиторию жалобно скрипнула, распахнувшись чуть сильнее. По притолоке расползлась кривая щель...

– Это рунический призыв, – проговорил Кайрид, окончательно трезвея. – Вы, ройтовы дети, правда вызываете нечисть из другого мира!

– Так я и говорю, – огромные плечи Листара печально опустились. – Странно вышло – там вроде простая деревяшка с каракулями, а вон чего... Но мы ж не хотели плохого, даже специально сюда пришли, господин Растифор. Защиту выставили. Как вы учили, перестраховыва...

Кайрид не стал дослушивать, рванул к открытой двери и приказал не оглядываясь: – Иди к западной стене через первую аудиторию! Будем сворачивать ритуал, а ты лови в окно все, что я выкину, и прячь под серой горгульей, потом ко мне в кабинет перенесешь! Чтобы никто тебя не видел! Понял?

Зная, что ректор вот-вот примчится в башню, дабы уличить его и доверенных ему идиотов в очередном коварном плане по уничтожению академии и мира в целом, Растифор стремительно вошел в шестую аудиторию и едва не зарычал от бешенства: одного взгляда хватило, чтобы понять – пахнет жареным задом. Его жареным задом.

Негодяи, сидящие по углам зажженной магическим пламенем пентаграммы, слаженно вздохнули от облегчения. Один даже рукой Кайриду помахал в знак приветствия.

– Наконец-то! – выдал этот жизнерадостный тип, Хонни Туйз. – У нас тут вот... артефакт, оказывается.

Длинные волосы Хонни были растрепаны, на смазливом лице отпечаталась тень страха.

– Тебя я убью первым! – пообещал ему Растифор, быстро приближаясь к пентаграмме, вокруг которой царила крошечная тьма, разрываемая тремя пятнами света, исходящими от факелов у стен слева.

Замерев над плечом тощего нытика Майло Свита, он создал несколько светляков и быстро осмотрел руны, расписанные вокруг углов пылающей красным звезды. Увиденное его не обрадовало. Но хуже всего пришлось от того, что нашлось в центре звезды. Там обнаружилась деревянная дощечка, исписанная корявыми каракулями, и именно от нее разило устрашающей силой.

– Кто из вас активировал это? – спросил Кайрид, кивнув на центр звезды. – И чем?

– Вся пятерка, что там сидит, господин Растифор: Хонни, Майло, Мейбл и братья Фри, – ответил шестой гаденыш, все это время стоящий во тьме справа и теперь выходящий на свет. Аарон Моез. Рыжий обладатель высшей степени огненного дара.

Его ярко-зеленые глаза светились ненормальным азартом

и ужасом одновременно.

– Так, господа, – Растифор хлопнул в ладоши, и его студенты оживились, повытягивали головы, готовые на любые авантюры. – Сейчас я помогу вам прервать ритуал, а потом отмажу всех от Пустиша. Но после...

– Вы нас убьете, – кивнул Хонни. От него пришла столь сильная волна удовольствия и веры в лучшее, что Кайрид почувствовал ее даже сквозь защитные щиты.

– Поодиночке, – кивнул он. – Без жалости и с удовольствием.

– Мы знаем, помним, – подтвердил Хонни. – Так какой план, господин Растифор?

Ткнув в парня слегка подрагивающим от бешенства пальцем, Кайрид ответил:

– Прежде всего знай, лапушка мой, ты поедешь на практику в Ленивые Лужки! Ясно?! А теперь быстро сворачиваемся и имитируем тренировку вызова хорса для практических занятий!

– Хорса?! – поразился Аарон, приближаясь к Кайриду. – Мы же пока специализируемся на мелких тварях.

– Судя по тому, что я здесь вижу, это я на них специализируюсь! – прорычал Растифор, многозначительно оглядывая всех студентов по очереди. – На мелких, беспринципных, всюду сующих свои длинные носы...

– Простите! – прервала его Мейбл Пейп. Откинув назад прядь черных волос, она слегка закатила глаза и сообщила

об увиденном в трансе: – Ректор уже знает о происшествии в подземелье и движется в нашу башню.

– Ладно, план такой... – Растифор подобрался, на время забывая о собственной злости. – Времени в обрез! Слушаем внимательно, повторяем за мной...

* * *

Спустя некоторое время, когда в помещение вбежали разгневанный краснолицый ректор с личным секретарем, им открылось поистине прекрасное зрелище: разгромленная шестая аудитория и грязные студенты в подпаленных мантиях.

О пентаграмме теперь ничто не напоминало, зато на полу сияли пятнадцать рун, образуя кривой зигзагообразный портал. И именно оттуда, в знак приветствия – не иначе, выползло жуткого вида чудовище с мощным лоснящимся телом, покрытым мелкой щетиной, с двумя головами и с ядовитым гребнем на спине. Оскалив сразу обе морды, нечисть приметила себе самого свеженького из присутствующих – ректора, Яна Пустиша.

Тот стоял в проходе, одной рукой вцепившись в длинную, идеально белую бороду, а другой застегивая пуговицу беленькой пижамы в синий горошек.

– Умертвить хорса! – приказал Растифор, создав магическую защиту вокруг ректора и принимаясь внимательно наблюдать за действиями своих совершенно распоясавшихся

студентов.

– Ага-а! – радостно закричал Аарон Моез, в руках которого возникла магическая плеть, высекающая искры из воздуха. – Ну погоди, рейтово отродье!

Пространство рядом с Растифором заискрило. Стало жарче. Его щеку лизнуло пламя. Поморщившись, Кайрид сделал шаг назад и громко напомнил:

– Шкуру твари не портить! Чучело останется в академии.

Аарон обернулся, погрузился. Убрав плеть, парень задумчиво уставился на свои руки. Мимо него пролетела сеть, напитанная ментальной магией от одного из близнецов Фри. Растифор на всякий случай еще немного отошел и перевел взгляд на хорса, как раз победившего призрачную защиту, выставленную вокруг ректора. Нечисть радостно заревела, и тут же в ее сторону полетели сразу четыре заклинания, два из которых истаяли в пути – слишком плохо были сплетены в спешке.

Хорс, проявив удивительную сноровку, умудрился пригнуться и поймал задом лишь часть отправленного в него: шаровую молнию от Мейбл. Завизжав, раненая зверюга потрясла правой мордой, а левой уставилась в дверной проем, где все еще стоял совершенно не готовый к подобной встрече ректор.

«На покой бы ему», – пронеслось в голове плетущего новую защиту Кайрида.

– Хр-р-р! – честно предупредил хорс, сорвавшись с места

в прыжке и пытаюсь забить Пустиша насмерть.

– Конец твой пришел!!! – крикнул Аарон, швыряясь синими молниями.

Секретарь ректора, видимо, решил, что это ему, и рванул прочь.

– Шкура, – вяло напомнил Кайрид, уже ни на что особо не надеясь. – Не портить...

– Жри, гадина! – вторила сокурснику Мейбл, подбрасывая вверх сноп красных искр, превращающихся в тройку смертельно жалящих пчел.

– А вот это неплохо, – Растифор одобрительно показал большой палец и тут же выставил экран-защиту, с интересом прослеживая полет хищных насекомых.

Следом за пчелами мимо проползла холодная тьма от Хонни. Кайрид обернулся к парню и заметил, как тот сосредоточенно руководит опаснейшей силой. Вытянув руки, господин Туйз слегка шевелил пальцами, с которых медленно, нехотя сползали рваные куски черного тумана.

– Дорогуша, ты кого убить собираешься? – уточнил Кайрид. – Для нечисти твоя тьма – подарок, а у нас теперь в полу дыры!

Хонни озадаченно моргнул и виновато оскалился.

В этот момент закричал ректор. Горным козлом отпрыгнув от двери, Пустиш упал, прокатился по полу и замер, крепко жмурясь. Нежить тем временем промчалась мимо, задев стены аудитории раздвоенным хвостом и вызывая но-

вые разрушения. Две пчелы рванули за хорсом, но последняя сбилась и на пару мгновений пропала из поля зрения Растифора, чтобы быть обнаруженной совсем неподалеку. Секретарь ректора завизжал фальцетом и забегал по коридору, то припадая к полу, то подпрыгивая, швыряясь за спину заклинанием стазиса.

Хонни, неосмотрительно бросившийся ему на помощь, на миг округлил глаза, а после упал, отключившись. Стазис – это надолго.

«Незачет», – флегматично подумал Кайрид, переступая через парня и пытаясь распылить расшалившуюся пчелу.

Из-за поворота, дальше по коридору, зарычал новый зверь. Растифор поморщился, сразу понимая, кому именно принадлежит звук... Здоровяк Листар пришел на помощь.

– Ослушался приказа, гаденыш, – пробормотал Кайрид, наконец попадая заклинанием в пчелу, пытавшуюся уничтожить секретаря.

Сзади что-то бабахнуло. Растифор резко обернулся, чтобы увидеть, как догорает в косяке файербол. Вспыхнув напоследок, огненный шарик угас, оставляя после себя запах гари и легкое разочарование во взгляде Кайрида. Он осуждающе посмотрел на подоспевшего Аарона Моеза, тот лишь развел руками: мол, извините, делаю что могу.

– Неуд, – проговорил Растифор одними губами и двинулся дальше.

Дверь с табличкой в виде цифры шесть в последний раз

скрипнула за его спиной и отвалилась. Дальше по коридору послышался грохот, рык, шум падающих тел и тихий скулеж на десерт.

Кайрид вышел на звук.

Как выяснилось, скулил секретарь ректора, пытавшийся сбежать, а теперь стремящийся слиться с черной, сильно обгоревшей стеной, но – увы – его сильно выдавали бледное лицо и седые волосы. Он в ужасе ткнул дрожащим пальцем вправо.

Кайрид посмотрел куда просили.

– Нечисть мертва, господин Растифор. – Радостно скалясь, из темноты показалось нечто здоровенное черное и очень шумное.

Наполовину сгоревшая мантия на этом чудище все еще тлела в паре мест, ресниц и бровей не обнаружилось, лицо было измазано в саже, зато в глазах сиял неугасаемый боевой дух. Погасить бы его, но как бы не сделать еще хуже...

– И даже шкура цела! – продолжил радовать не кто иной, как Листар.

– Вы получаете отличный балл. – Подойдя, Растифор хлопал студента по плечу, тем самым сбивая разгорающийся огонь, и, посмотрев Листару за спину, удовлетворенно кивнул, заметив недвижимое тело хорса. Затем добавил тихо, практически шепотом: – Но за нарушение приказа практикуешься в Огневице.

– Но я спрятал!..

– Тищ! – Растифор обернулся к секретарю, тот все еще тарачился на них. Кажется, даже не моргал.

– Я спрятал, – зашептал Листар, приблизив губы к уху Кайрида, – как велено. И прибежал.

– Кто тебя звал?

– Так... это...

– Огневица! Там сплошные болота, ядовитая мошкара, озлобленные жители с вилами и разгул мелкой нечисти. Уже жду не дождусь твоего отчета со всеми подробностями... – Растифор отвернулся, радуясь тому, как ловко раздал два самых неприглядных для практики места.

Заметив ректора, что, пошатываясь, шел навстречу, Кайрид принял максимально серьезный вид и сообщил назидательным тоном:

– Остальным – незачет! Плохо, господа! Отвратительно! Думайте над ошибками и отнесите господина Туйза в лекарскую.

– Кхм! – напомнил о себе ректор.

Растифор перевел на него взгляд, выражающий максимальное внимание.

Всегда ухоженное лицо Пустиша сейчас было испачкано в саже, прекрасная борода сильно подгорела, а светло-голубые глаза налились кровью.

– Растифор!!! – проскрежетал ректор, поглаживая дрожащей рукой остатки бороды. – Напомните мне, зачем полгода назад вы прибыли в Мирдбургскую академию стихий?!

– Преподавать, – с готовностью ответил Кайрид.

– Да! – Ректор так кивнул, что было слышно, как клацнули его зубы. – Не калечить, не убивать, не разрушать!!! Преподавать. А это... это все... Что все это значит?!

– Практические занятия, – Растифор повел плечами. – Не раздувайте из пчелки... кхм...

– Хорса?! Не раздувать хорса?! – Ректора ощутимо затрясло. – Вы вызвали опаснейшую нечисть! Вся башня сотряслась от проводимого рунического обряда! Учить студентов такому – это... это...

– Это очень сложно. Сам в шоке, что им это удалось, – кивнул Растифор, косясь на студентов, проносивших мимо бессознательного Хонни.

– Посмотрите, чего вы добились! – ректор ткнул дрожащим пальцем в отключившегося парня.

– Вообще-то, парня отключил ваш секретарь, – напомнил Растифор. – Но мысль я уловил, и в следующий раз...

– Ни-ког-да! – прохрипел ректор, дергая на себе ворот пижамы.

– Ладно, – сразу согласился Кайрид, – обсудим это после, когда вы будете в более благодушном настроении.

– Вызов нечисти не входит в обязательную программу нашей академии, Растифор! – проревел ректор. – Потому я никогда не стану это обсуждать. И сейчас у меня лишь один вопрос к вам!

– Всего один?

– Зачем?!

– Им было любопытно, а я не стал возражать. – Растифор принял самый благостный вид, вспоминая и копируя недавнее поведение Листара. А что? Идиотам закон не писан. – Лучше пусть в моем присутствии попытаются сделать рунический призыв, чем после – одни. Согласны? Мы ведь в ответе за тех, кого зачислили на темный факультет.

У Пустиша дернулся уголок губ, затем перекосило часть лица. Осторожно пригладив сильно укороченную огнем бороду, он тихо, почти спокойно попросил:

– Пройдите ко мне в кабинет, господин Растифор. А вы, Кипри, – ректор посмотрел на подошедшего наконец секретаря, кажется, с трудом стоящего на ногах, – возьмите людей и обыщите здесь все! Проверьте, чтобы портал не проявлял активности! Похоже, ваш информатор не обманул – здесь и правда творится рейт знает что! Студентов допросить с пристрастием и запретить покидать стены учебного заведения без моего личного дозволения!

С последним Растифор мысленно согласился. «Домашний арест» виновников шабаша немного примирил его с необходимостью следующий час провести в обществе Яна Пустиша.

Сначала ректор пытался вывести у Кайрида, почему трясло башню.

Затем прочитал нотации на тему безопасности и ответственности. После пришло время горестных сожалений о

том дне, когда он согласился принять Растифора на работу. Когда дело дошло до угроз увольнения, Пустиш так утомился, что успокоился бы сам, но тут Кайрида накрыло магическим истощением – шутка ли, такой ритуал свернуть!

В итоге он едва не заснул, и ректор, заметивший это, принял подобное безразличное состояние за попытку оскорбить его лично. Тогда у Яна открылось второе дыхание...

– Даже ваши связи не помешают мне уволить вас, господин Растифор, – шипел ректор, яростно разводя руки в стороны. – Вы это понимаете?! Я избавлюсь от вас, и все вздохнут с облегчением! Да у нас все остальные отделения воют от ужаса, ожидая, что выкинут ваши студенты дальше! Вы – творите беспредел! Вы – его родоначальник! Понимаете, Растифор?!

– Я понимаю одно: до меня уволилось трое заведующих темным факультетом, – холодно ответил Кайрид, порядком уставший от нотаций Пустиша. – Но если у вас есть кем меня заменить, то я готов...

– Вас снова видели в ресторации в весьма непотребном виде! – прервал его ректор, стремительно переводя тему. – Вы порочите репутацию Мирдбургской академии стихий! Совсем распустили студентов выпускного курса! А ваш внешний вид – это просто безобразие!

– Не я стою здесь в пижаме в голубой горошек, – пожал плечами Кайрид. – Хотя вам очень идет. Веселенько так, с огоньком. Жаль, запачкались слегка, надеюсь, это отстира-

ется.

Глаза Пустиша превратились в мелкие щелки, а ноздри, наоборот, раздулись.

Поднявшись с кресла, Растифор замер напротив ректора, посмотрев теперь на него сверху вниз и уточнив равнодушно:

– Так я уволен? Могу собираться?

Ян долго проникновенно смотрел ему в глаза, затем, резко отвернувшись, бросил через плечо:

– Покиньте... мой кабинет, Растифор! И я напоминаю свою просьбу: наймите себе нормального помощника! Я должен быть в курсе ваших дел и получать еженедельные отчеты по проделанной работе со студентами выпускного курса!

– Это можно, – Кайрид кивнул. – Завтра же...

– Уже сегодня! – рявкнул Пустиш, после чего скрипнул зубами и указал пальцем на окно. Там, за толстым стеклом, занимался рассвет. – К полудню я жду от вас утвержденную кандидатуру. Это должен быть кто-то ответственный и с серьезным подходом к работе. Полная вам противоположность!

– Обязательно, – ответил Растифор, покидая кабинет.

Вот так и настало его «доброе утро» в тот день. Уже тогда Кайриду стоило понять – дальше хорошего тоже ждать не стоит, но он, наверное, слишком часто общался с Хонни и набрался от него идиотской веры в лучшее.

Зря.

Уже через час Растифор поплатился, совершив роковую ошибку. Оказавшись в своем кабинете, он решил бегло изучить принесенную Листаром деревяшку с выбитыми на ней рунами. Конечно, умнее было бы держаться от нее подальше или совсем избавиться не касаясь, но...

– Так что ты такое? – пробормотал Растифор, беря в руки кусок дерева и неожиданно чувствуя, как закипает внутри сила...

Глава 2

Попала

Аделина

Мужчина склонил голову набок и продолжал смотреть на меня не мигая, жутко при этом нервируя. Я решила не оставаться в долгу, приступив к ответному осмотру.

На вид ему можно было дать лет тридцать. Может, тридцать пять... Его черные как смоль волосы были зачесаны назад и собраны в небрежный пучок на затылке; густые брови выражали крайнюю степень удивления, особенно левая, взметнувшаяся едва ли не на середину высокого лба. Внешние уголки миндалевидных карих глаз были чуть приподняты, будто у него в роду затесались предки из Азии.

С трудом переместив взгляд ниже, узрела длинный тонкий нос с небольшой горбинкой и красивые, четко очерченные губы, острые широкие скулы и упрямый, выдающийся вперед подбородок. Хорош, ничего не скажешь.

Мужчина слегка шевельнулся, и мое внимание тут же привлек легкий блеск сбоку: на его ухе обнаружился кафф! Клипса крепилась на раковине и была выполнена в виде серебряного черепа. Симпатично, я бы даже могла назвать его миленьким аксессуаром, если бы из глазниц каффа не исходило едва заметное красное мерцание...

– Вот и спецэффекты подъехали, – ляпнула я, после чего чихнула от ударившего в нос запаха гари.

Мужчина тут же повел левой рукой над столом, разгоняя дым. Тогда как в правой он удерживал причину неприятного запаха: тлеющую изнутри докрасна деревяшку, разрисованную черными каракулями.

– Будет ожог, – пробормотала я, не понимая, как человек вообще может держать столь горячий предмет голыми руками. – Может, лучше убрать это?...

Мужчина задумчиво уставился на деревяшку и, сжав ее сильнее, что-то тихо пробормотал. Та прекратила дымить, превращаясь за какие-то несколько секунд в прямоугольный кусок угля. Едкий запах, расплзавшийся до этого по помещению, испарился. Черноволосый слегка поджал губы и положил деревяшку на стол, рядом с моим складным зеркальцем и кисточкой для туши, после чего вновь уставился на меня.

– Значит, огня вы не боитесь, – заключила я, нервно хихикнув и уточнив: – А в воде тонете?

Он нахмурился, скользнул взглядом к моим губам, затем ниже, заинтересованно потерявшись в районе груди второго размера. Благодаря хорошему пуш-апу – почти третьего.

Тут-то я опомнилась и, выпрямившись, запахла полы халата. Мужчина поскуцнел и снова посмотрел на меня с таким видом, будто я его уже порядком достала. А я что? Сама не рада человека задерживать.

– Вы знаете, – поделилась с ним сокровенным, – я немного потерялась. Самую малость. Проспала на собеседование, понимаете? Спешила очень, собиралась, и тут...

Я развела руками, не представляя, как объяснить мое появление рядом с этим мужчиной. Халат снова распахнулся, пришлось вернуть руки на грудь и добавить веское:

– Как раз одевалась, когда... – На глаза навернулись слезы от догадки. – Кажется, я... того.

Бессердечный человек лишь сильнее заломил бровь.

– Похоже, инфаркт, – поставила я диагноз себе ненаглядной. И так тоскливо сразу стало, так жалко себя. – А мне ведь только двадцать три года будет. Не дожила, недолюбила! Не позавтракала даже...

Глаза моего неизменного слушателя распахнулись чуть шире, на лбу появилась горизонтальная складка. Мне показалось, этот молчун наконец собирался ответить, но тут случилось невероятное: пространство над спинкой его кресла стало мутным и плотным, а затем, буквально через пару секунд, там появилась птица! Настоящая, здоровенная, из плоти и крови! Черная ворона! Или, скорее, ворон? Откормленный, с лоснящимися перьями и злобными глазками-бусинами!

Каюсь – от неожиданности я завизжала.

Тыча пальцем на пернатое создание, силилась выдавить из себя хоть одно членораздельное слово, чтобы предупредить безмятежного мужика об опасности, но выходило лишь

невнятное бульканье. В итоге ворон меня опередил.

– Пр-рипадочная, – прокаркал он. – Не к добр-ру!

Я, не прекращая тихо скулить, с ужасом переводила затравленный взгляд с ворона на мужика и назад, ожидая хоть какой-то реакции от человека, соседствующего с птицей-страшилой. И она последовала. Мужчина поднес указательный палец к своим губам и шикнул, призывая меня умолкнуть.

«Так, они знакомы, – поняла я, старательно унимая панику. – И вообще, подумаешь, птица? Подумаешь, материализовалась из воздуха. Подумаешь, кафф в ухе мужика снова подмигивает красным...»

Придумывать оправдания происходящему вокруг становилось все сложнее. Хуже того – подобная сюрреалистичность все больше наводила на вполне определенные, ужасные мысли.

– Значит, все-таки умерла, – заключила я вслух, почти смиряясь с бесславным завершением жизненного пути. – И это как бы чистилище? Вы встречаете усопших? Так?

Ворон слушал меня, приоткрыв клюв, будто был шокирован услышанным. Как только я замолчала, он уставился на мужчину, словно в ожидании объяснений. И тот – о чудо! – покачал головой, сообщая:

– Ты ее напугал, Варг. Теперь она считает, что умерла.

Голос у черноволосого оказался низкий и бархатистый, заслушаешься.

Ворон же, выслушав собеседника, недовольно прокаркал:

– Возишься с ней зр-ря. Чую, беду пр-ринесла.

– Дрессированный он у вас, что ли? Из зверинца? – уточнила я, хмурясь и заранее негодуя на того, кто обучил птицу говорить такие гадости первым встречным.

– Кар-р!!! – рывкнул в ответ ворон. Вид у него при этом был такой, будто он все понял и оскорбился. А после, гордо отвернув голову, птица тихо добавила: – Кто еще из зверинца...

Я опешила от подобной наглости, шагнула вперед и, ткнув в нахала пальцем, спросила у хранившего молчание мужчины:

– А вы знали, что из ворон получается отличный суп? Я могу и рецептом поделиться, и в готовке посодействовать!

Птица хрипло каркнула, будто закашлялась, но пугаться и не думала. Крепко держась за спинку кресла и уставившись на меня черными глазами, с новой силой взялась за старое:

– Бер-регись. Хор-рошего не жди, Кайр-рид!

Только я собиралась достойно ответить, как черноволосый резко хлопнул по столешнице ладонями, поднялся из-за стола и, поведя широкими плечами, сказал как отрезал:

– Тихо!

Мы с вороном злобно переглянулись и отвернулись каждый в свою сторону. А дальше я и вовсе оскорбилась – вместо того, чтобы поговорить со мной, красавчик стал объяс-

няться с пернатым!

– Погоди, Варг, – заговорил он своим низким рокочущим голосом, при этом не сводя с меня задумчивого взгляда, – сначала нужно разобраться. Разве тебе самому не любопытно? Схид не вспыхнул, да и она не похожа на остальных... – И только я немного расслабилась, собираясь вступить в разговор, как он добавил приказным тоном: – Эй, ты должна слушаться меня, поняла?

Я кивнула. Затем разозлилась и быстро покачала головой. Уже хотела спросить, что такое схид и сообщить, что не собираюсь подчиняться кому попало, но... меня прервали.

Да еще кто!

Тапочки.

Зайки мои красненькие...

Правая тапка пошевелила длинными ушками и громким, недовольным мужским голосом сообщила:

– Моя твою не понимает, мистер! Ху из схид? Ду ю спик инглиш? Шпрехен зи дойч? Ин юкрэйн мейби?

Я в немом оцепенении смотрела на свои ноги. Забыв, как дышать, стояла столбом и чувствовала, как сводит от страха живот.

«Все-таки чистилище, – подумала про себя, пытаясь не сорваться на новый визг, – здесь все что хочешь может быть. Это ничего, что обувь говорит...»

Так, пытаясь унять разрастающуюся дрожь во всем теле, я подняла взгляд на черноволосого. Тот не сводил глаз с моих

тапок, а в его руке, на раскрытой ладони, подрагивал маленький черно-оранжевый шарик, сотканный из дыма и малюток-искорок. В душу закрались нехорошие подозрения: похоже, даже здесь тапочки говорят нечасто. И мужик таким новостям не очень рад.

– Вер-рла! – выдал ворон со своего насеста. – Бер-регись!

– Не похожа, – спокойно отмахнулся мужчина, но тут посмотрел мне в глаза и неожиданно заговорил громче, будто я глухая и не очень умная заодно: – Твои ноги – монстры! Слышишь, прыгунья?!

Я с негодованием фыркнула, возмущенная его ко мне обращением и тем, как обозвал мои конечности, да и самой подачей... Однако у левой тапки зашевелились ушки, щекотно коснувшись моей кожи, и все слова вылетели из головы. Посмотрев вниз, взглянула на тапочки. Те покосились на меня.

Правая подмигнула.

Я рвано втянула воздух, подумав, что больше в жизни не назову тапку женским родом. Ну, по крайней мере, точно не этих заек, потому что передо мной явно были мужские особи... Обняв себя за плечи, я собиралась аккуратно снять обувь, когда мужчина заговорил вновь, отвлекая. Теперь голос звучал вкрадчиво и тихо, будто он объяснялся с душевнобольной:

– Откуда ты, прыгунья? – Тот, кого ворон назвал Кайридом, встал напротив нас с тапками, оказавшись выше меня на голову, и добил предположениями: – Здесь замешано про-

клятье? Или это у тебя с рождения? Твари на ступнях. И проблема с глазами.

Последняя фраза заставила нахмуриться, задумчиво почесать нос и вспомнить, что накрасилась лишь наполовину.

– Лицо у нее стр-рашное, р-рябое! – встряла со своими пятью копейками гадская птица, успевшая уже стать костью в горле. – Не при-рикайся, Кайр-рид. Не к добр-ру.

Я медленно втянула носом воздух и задержала дыхание, стараясь не скатиться до уровня противного ворона и его хозяина. Они – хамы невоспитанные, но я-то не такая! Я милая и хорошая. Где-то в глубине души. Только бы докопаться дотуда раньше, чем наговорю гадостей...

Стараясь мыслить позитивно и рационально, я примерно поняла, почему эта... нехорошая птица обозвала меня рябой. Да, в ванной освещение не бог весть какое, так что с тональником, похоже, перестаралась. К тому же за два месяца добровольного заточения дома я стала совсем бледной, а у крема был оттенок легкого загара... Да и глаз опять же всего один успела накрашивать.

Но обзывать страшной?!

– Прыгунья, отвечай! – Мужчина терял терпение. – Что с конечностями? Они хищники? Или падальщики?

– Смотря какую падаль надо сожрать, – неприветливо ответил правый зайка тапок, успев опередить меня.

Обстановка вокруг резко накалилась.

Кайрид, все еще держащий перед собой черно-оранжевый

шарик, неуловимо изменился. На вид остался таким же, но взгляд потяжелел, стал подавлять и пугать.

Я не удержалась и отвернулась, чувствуя, как от слабости подгибаются ноги. Хотела присесть куда-нибудь, но не обнаружила больше ни одного кресла. Лишь стеллажи со множеством заставленных разным хламом полок по стенам, до самого потолка.

Передо мной был лишь стол хозяина помещения, за которым прятался пузатый шкаф.

Разговор больше не клеился, а в голове зашумело от усталости. Страшно захотелось домой, под одеяло, подальше от ненормальных кошмаров вокруг. Давно не чувствовала себя такой угнетенной и подавленной.

– Прыгунья! – В голосе черноволосого послышалась угроза.

– Может, подскажите, как попасть в Москву? – наконец решилась ответить я, все же посмотрев на собеседника, так и стоящего напротив. – Мне бы к ближайшему метро...

– Куда?

На некоторое время наши взгляды схлестнулись: мой – испуганный, и его – удивленный. Затем он моргнул и резко сжал шарик в кулаке. На пол, сквозь его пальцы, сползла чернота, тая на лету.

Я прикусила губу, понимая одно, самое важное: здесь, кажется, не слышали о столице России.

– Спокойно, Адочка, – заговорил левый зайка, на морде

которого расплылась умиротворенная улыбка. – То, что он не знает, где Москва, ничего не значит. Посмотри, человек явно не в себе, да и живет с вороной...

Я вяло кивнула. Затем, озаренная новой догадкой, приложила руку ко лбу – нет, жара не было. Покосившись на очень хмурого хозяина помещения, уточнила тихо:

– А валерьяночки у вас не будет? Или пустырника?

– Что это?

– Успокоительные.

Мужчина задумался. На его лице мелькнуло подобие эмоций, но он быстро избавился от них, сообщая ледяным тоном:

– Из приводящего в чувство – только пощечина.

– Какой хам! – поразился мой левый зайка.

– Прокуратуру бы сюда, – согласился правый, – и разобраться с этим абыюзером его же методами.

Я пошатнулась. Обернувшись в поисках опоры, увидела кусок ничем не занятой стены и огромное окно, из которого открывался отличный вид на... на...

– Что это за место такое?! – стараясь не думать об оживших тапках и предложенной терапии в виде пощечины, сделала пару шагов вперед и неторопливо подняла руку, касаясь толстого, очень холодного стекла.

Не мираж. Не наваждение!

Настоящее окно, за которым примерно в пятистах метрах от меня был замок. Огромный, красивый, построенный на

обрыве отвесной неприступной скалы!

Нервно сглотнув, я неверяще пересчитала количество остроконечных крыш разной степени высоты и остроты...

– Одна, вторая, третья...

Семь башен были построены плотно, прижатыми друг к другу. Справа и спереди они переходили в обрыв, а слева присоединялись к монументальному зданию, конца которого не было видно. А между нами далеко внизу бушевал бескрайний синий океан.

– Будьте осторожны со своими желаниями, – пробормотала я, вспоминая, как совсем недавно требовала вывести меня к морю. Сбылось. Интересно только, кто та золотая рыбка, что все это осуществила?!

С этим вопросом во взгляде я обернулась к единственному человеку поблизости.

На этот раз он не задерживался с ответом:

– Это Мирдбургская академия стихий, прыгунья. Ты бывала здесь когда-нибудь?

Я покачала головой.

– Слышала о ней? – продолжил допрос он.

– Нет.

– Кто подговорил тебя сделать прыжок через портал? Он же наградил тебя проклятьем, превратив ноги в это?

– Я... нет. – Посмотрев вниз, столкнулась с двумя парами синих глаз.

Правая тапка мне подмигнула. Левая смотрела с сочув-

ствием и слегка косила, она же посоветовала мужским голо-
сом:

– Не слушай его, Адочка, разве мы похожи на проклятье?

И обе тапки выдали улыбки, обнажая два ряда маленьких
острых зубов.

Действуя на автомате, я нащупала узкий подоконник, при-
села на него и, не дыша, наступила левой тапкой на задник
правой, стягивая ее с ноги. Затем, уже голым мыском, про-
делала то же самое, лишившись обуви. Тапки остались ле-
жать на полу не шевелясь.

Еще немного подумав, я поджала ноги, уперев голые ступ-
ни в стену под собой.

Душераздирающую тишину вокруг прервал удивленный
голос Кайрида:

– Так это не конечности.

– Да, – согласилась я. – Обычная обувь.

Тапки дернулись, презрительно фыркнули и развернулись
к черноволосому задниками, преданно уставившись на меня.
Глаза в глаза. Не мигая.

Вот вам и конец здравому уму.

Отвернувшись от заек, я поелозила по подоконнику,
неловко устраиваясь на слишком узком пространстве, упер-
лась спиной в ледяное стекло и спросила, чувствуя ужасную
неловкость:

– И давно вы?... Ну... говорите.

На морде правой появилась гримаса недовольствия, ле-

вая же улыбнулась, радостно сообщая:

– Говорить и двигаться получилось только здесь, Адочка, но почти несколько месяцев, как мы слышали тебя и все понимали, разделяя твою боль.

– Что за боль? – сразу встрял в нашу беседу черноволосый. – пытки? Издевательства? Принуждения шпионить?

– пытки и издевательства начались здесь! – рявкнула низким, отнюдь не женским голосом воинственно настроенная правая тапка, повернув ушастую голову к Кайриду. – Сначала похитил девочку, потом избить пообещал! У-у-у, бандитская твоя наружность!

Я перевела испуганный взгляд на черноволосого, чувствуя, что должна оправдаться за поведение своей внезапно заговорившей обуви. Мое положение и без того было незавидным, так что нагнетать не хотелось. Однако мужчина разгневанным не выглядел.

Потирая подбородок, он задумчиво смотрел вниз и тихо бубнил:

– Действительно, ничего особенного.

– Да с кем тут говорить, Ада! – Правая тапка трянула длинными ушами и, повернувшись в сторону, неожиданно запрыгала прочь, громко предупредив: – Я сваливаю из этого дурдома!

Красавчик Кайрид отмер, вытянул руку и повел длинными пальцами в сторону дезертира. Тапка прыгнула в очередной раз и... врезалась в незримую стену. Повторив подоб-

ный маневр еще пару раз, она поняла, в чем подвох и грозно прорычала:

– Свободу домашней обуви! Долой угнетения! Даже у тапки есть права!!!

– Не нагнетай, – раздался мужской флегматичный голос левой. – Адочка и без того на грани. То ли уже в инфаркте, то ли собирается вот-вот его заработать. Пусть поговорят с этим вороньим заводчиком, найдут общие точки соприкосновения, и тогда, кто знает, может, всем нам станет легче.

Мы с «заводчиком» переглянулись. Сам ворон обиженно каркнул и... истаял как не бывало.

Я прикусила губу, дотронулась ледяными пальцами до запястья, ущипнула себя. Больно. Живая, значит, и в реальности. К тому же ноги затекли от неудобного положения. Пришлось распрямить их и встать на пол, тут же ощутив холод. Помедлив еще буквально пару секунд, я решительно произнесла вслух собственные выводы:

– Итак, я не мертва.

Тапки поощрительно кивнули. Черноволосый хмыкнул, но промолчал.

– И про Россию вы здесь не слышали, – срывающимся голосом продолжила я.

Кайрид покачал головой.

– Так, может, я в коме? Между жизнью и смертью? И это... Мир между?

– Между? – удивился брюнет.

– Ну, когда еще не умер, но уже почти, – пояснила я собственную выдумку. – Вроде как между тем светом и этим...

– Нет.

– А может, да, – упрямо заладила я.

– Ты жива.

– А это еще надо доказать!

Губы моего скупого на слова собеседника чуть искривились влево, прежде чем он спросил:

– Почему ты так держишься за теорию, в которой находишься на волосок от смерти? Так спокойней, когда за тело уже не волнуешься?

Я нервно передернула плечами:

– Никак не спокойней. Больше всего пугает неизвестность, – буркнула, и по спине пробежал холодок. Переступив с ноги на ногу, обняла себя за плечи и хорошенько растерла их ладонями.

Какое-то время мужчина пристально меня рассматривал, скользнув взглядом с головы до поджатых пальцев ног. Затем стремительно прошел к пузатому шкафу за своим столом и вынул оттуда серую хламиду наподобие той, что была на нем. Встряхнув ее, он осторожно протянул одежду мне и выдал с самым деловым видом:

– В посмертии нет холода и голода нет.

– Вам откуда знать? – удивилась я, с опаской косясь на принятую вещь и дерзко добавляя: – Были там?

– Был, – легко согласился собеседник, – поверь, здесь ин-

тересней.

Я покосилась на тапки. Левая продолжала блаженно улыбаться, но без демонстрации острых зубов. Правая же, дождавшись, пока обращу на нее внимание, громко шепнула:

– Заливает. Не зомби же он?

– Кто такой зомби? – заинтересовался Кайрид, на этот раз выуживая из-под своего стола черные ботинки размера эдак сорок шестого.

– Оживший мертвец, – подсказала правая тапка низким мужским голосом. – Умерший и восставший снова.

– Хмм, – Кайрид изобразил сильную задумчивость.

Опровергать слова правой тапки он не спешил, что сильно нервировало. Но я ждала, надеясь до последнего.

– И много в вашем мире зомби? – наконец спросил он.

– В нашем ни одного настоящего, – вмешался в разговор левый.

Я устала даже мысленно называть свои тапки женским родом, ведь судя по голосам и манерам, мои зайки оказались мужчинами. Неожиданно, но факт!

– О зомби мы знаем только из страшилок, – продолжил левый. – А в вашем мире это не так?

Губы Кайрида расплзлись в милой усмешке, от которой у меня мурашки побежали по коже.

– Р-раскусила тебя, Р-растифор-р! – прокаркал долбаный ворон, неожиданно воплощаясь вновь. – Вер-рла как есть! Бер-регись! Гони пр-рочь!

– А и гони! – обрадовался правый. – Куда идти? В эту дверь? Нам бы только проход открыть – и досвидули!

– Не нагнетай, Варг! – ответил Кайрид, обводя всех присутствующих очень странным, подозрительным взглядом. – Лучше обрати внимание, дорогуша, как прекрасно тебя понимают.

Ворон открыл клюв и тут же его захлопнул. Теперь птичья физиономия выражала крайнюю степень удивления.

Когда черноволосый уставился на меня, я поняла: случилась новая странность, которая ему очень не нравится. Но какая именно?

– Ты знаешь, о чем мы говорили, прыгунья? Понимаешь речь моего ворона? – тихо, почти ласково спросил меня Кайрид.

– Кто, я? – уточнила, яростно пытаюсь сообразить, что следует говорить.

– Ты понимаешь речь Варга, – теперь он утверждал, а не спрашивал. – Хотя, кроме хозяина, фамильяров могут слышать только по их желанию. Сейчас мой ворон не желал быть понятым, прыгунья!

– А-а-а. – Я тяжело сглотнула и решила категорично лгать. На всякий случай. – Ну правильно. Я ведь и не поняла ни слова. Еще думаю, что это он там каркает? А это вы на своем...

– Но твои тапки ответили Варгу, а значит... – Черноволосый нехорошо прищурился и, кажется, собрался учинить

допрос с пристрастием.

Я покосилась на правого, и тот – умница просто – упрямо пошевелил ушами, сообщая:

– А я не с ней, я – сам по себе! Кого хочу, того и понимаю. Хоть фамильяров, хоть птиц, хоть... хоть на иврите! Мне все одно, я тапка из России!

И в этот прекрасный до сумасшествия момент в наш потрясающий разговор вмешался новый собеседник.

– Пустиш идет, – раздался сверху скрипучий замогильный голос, от которого у меня мурашки побежали по коже. – Будет здесь через минуту.

Я посмотрела в потолок – ничего необычного. Радио у них здесь, что ли, с видеооборудованием?

– Рейтов день! – откликнулся Кайрид, разом теряя интерес к моим лингвистическим познаниям, к тапкам и ко мне в целом. – Только его сейчас не хватало! Вечно прется, когда не ждали...

– Убер-ри свидетелей! – каркнул ворон со спинки стула. – В окно!

Я подавилась воздухом, закашлялась и отошла от подоконника, усердно делая вид, что решила прогуляться по кабинету просто так.

– Она тебя понимает, следи за языком, Варг, – бросил Кайрид, не глядя на меня.

Быстро открывая ящики, он принялся методично перекладывать туда все со столешницы. И сгоревшую дощечку,

и мою кисточку от туши, и зеркальце...

– Невер-роятно! – ответил Варг. – Невозможно!

Я отвернулась, делая вид, что всякое каркающее воронье – последнее, что меня волнует.

– Эй, вер-рла, – не отставала гадская птица, – у тебя спина белая!

Откуда-то снова раздался звук: тихий прерывистый скрип. Будто старик неумело смеялся. Или кашлял... Я хмуро посмотрела по сторонам, но ничего необычного не обнаружила. Почти расслабилась, когда правый зайка оказался рядом, подсказывая:

– Пст, Ада, пст! – И стрельнул синими глазками вверх вправо.

На самой верхней полке стеллажа у входа стоял... человеческий череп. Его глаза мерцали зеленым, а челюсть была слегка приоткрыта.

– Добрый день, – просипела я, до последнего надеясь, что скрипящий голос принадлежал не этому страшили.

Череп демонстративно сжал челюсти, громко ими клацнув.

Мы с правым подпрыгнули на месте одновременно. Я обернулась к Кайриду, и тот ответил, не дожидаясь, пока я соберусь с мыслями:

– Схид – это охранка кабинета. Он необщителен. А вот тебе, прыгунья, нужно переодеться – и срочно.

Он подошел ко мне, протягивая руку:

– Свою одежду пока отдай мне. Она слишком необычна для нашего мира. Пустиш сразу что-то заподозрит. Слышишь меня? Как там тебя, Ада?

Я кивнула, вцепилась в свой халат и, не выдержав, заваляла черноволосого кипой вопросов:

– Кто такой Пустиш? И почему череп говорит? Что это за мир? Как я сюда попала?! Где Москва?! Как мне вернуться?

Кайрид чуть закатил глаза, отнял у меня серую мантию, встряхнул ее и протянул со словами:

– Надевай, Ада. Тапки свои или обуи, или прикажи им спрятаться и молчать. Пустиш – главный здесь, имеет право развеять тебя по ветру, если только заподозрит, что ты не отсюда. Ну?!

– В смысле развеять? – не поняла я, но все же стянула с себя халат и схватила огромную серую тряпку, принявшись натягивать на себя. – У вас что, про права людей никогда не слышали?

– А ты действительно человек?

Я как раз сунула голову в горловину и боролась с рукавами, когда он задал свой вопрос. Пришлось отвлечься и высказаться:

– Во-первых, прекратите мне тыкать! А во-вторых, здесь скорее вопросы к вам. Вы слишком неоднозначно ответили на вопросы про зомби! И вообще...

– Одевайся! – Черноволосый кивнул на мантию. – И старайся меньше говорить, прыгунья. Я еще не определился на-

счет твоей судьбы, так что не дерзи, не то...

– Не то что?! – я сжала кулаки.

– Избавлюсь от вас. От тебя и говорящих тапок. Был бы умней – сделал бы это сразу, но ты действительно не похожа на тварь иномирья, – холодно просветил он. – Потому будем разбираться...

Пока я шокированно смотрела на него, этот тип, пригнувшись, подхватил с пола мой халат и отправился прятать вещь в шкаф.

– Минута! – проскрипел череп сверху, заставив меня встрепетаться и продолжить одеваться.

– Тварь иномирья, – пробормотала я, глянув на приشلепавший левый зайка. – То рябая, то страшная, то тварь вот... Очаровательно, а?

– Прости слабому человеку и его обезумевшей вороне их страхи и личные комплексы, – миролюбиво ответил зайка. – Будь выше них, пусть им будет с кого брать пример.

– Заткни свою обувь! – посоветовал вновь приближающийся Кайрид. – Желательно ногами. Не смотри так испуганно, я просто прошу обуться! Нужно избавиться от Пустиша. Он – ректор этой академии и помешан на безопасности учащихся. А ты – угроза.

Я цыкнула и с опаской посмотрела на тапки – приближаться к ним не очень хотелось, тем более использовать по прежнему назначению.

– Не стесняйся! – бросил правый, резво проскакивая под

только что надетую мантию и шурша вокруг голых ног. – Давай, Ада, не стой столбом!

Пришлось обуваться. Затаив дыхание, следила за пролезшим под подол левым и на ощупь совала ноги в мягкие тапочки, стараясь забыть, что они разумны и подвижны. А в это время Кайрид скороговоркой инструктировал о встрече с неким Пустишем.

– Скажешь, что приехала на собеседование, – хмурясь, черноволосый поправил на мне мантию, одернув ее вниз, – на работу устраиваться. Ко мне в помощницы. Меня зовут Кайрид Растифор, я заведую темным факультетом. Ясно? Ты час как прилетела на магобусе и еще не посвящена в дела. Понимаешь? Давай, прыгунья, кивни, если слышишь!

Кайрид схватил меня за плечи, слегка встряхнул, и... его пальцы на долю секунды коснулись моей кожи. У основания слишком широкой горловины будто огнем мазнуло.

Я зашипела, отшатнулась, натягивая ткань мантии едва не до подбородка.

– С ума сошел?! – рявкнула, ожидая очередных угроз и собираясь дать отпор.

Однако черноволосый, к моему удивлению, и сам выглядел растерянным. Удивленно глядя на свою руку, он поднял полный тревоги взгляд, собираясь что-то сказать, однако прояснить ситуацию мы уже не успели – дверь в кабинет распахнулась, являя нам загадочного Пустиша.

Глава 3

Заклинение призыва

Аделина

Внутрь стремительно вошел пожилой мужчина. Среднего роста, лет шестидесяти на вид, он выглядел очень ухоженно, даже как-то по-щегоольски, в отличие от слегка расхлябанного Растифора.

Тот, кого называли Пустишем, являлся обладателем светло-голубых близко посаженных глаз, крупного орлиного носа, тонких, нечетко обрисованных губ и аккуратной белой бородки. Коротко стриженные волосы были зачесаны назад, открывая высокий морщинистый лоб.

Двигался ректор весьма бодро, несмотря на явно немолодой возраст и длинный серебристый балахон, из-под которого виднелся идеально белый воротничок рубашки.

– Растифор! – начал было гость, но сбилсся, заметив меня. – Ты не один...

Ректор прищурился, осмотрел мое лицо, шею. Когда его взгляд метнулся ниже, я сложила руки на груди, суетливо поправив ткань слишком большой мантии на плечах.

– Господин ректор! Вот так удача. – Кайрид встал рядом, слегка перекрыв меня собой. – Рад, что вы зашли.

– С чего бы это? – Старик не скрывал удивления. Его

взгляд вновь метнулся к моему лицу.

Я сделала вид, что кашляю, и прикрылась ладонью, стараясь оставить в пределах видимости только подбородок и глаза. Кайрид, не поворачивая головы, хлопнул меня по спине, да так и оставил там свою наглую руку, отвечая Пустишу:

– Как раз собирался вести Аду в центральную башню, но, раз уж вы сами зашли, это даже лучше. У нас с ней и без того дел по горло.

– Аду? – Взгляд ректора уперся в пол, где стелилась слишком длинная ткань водруженной на меня мантии.

Я затравленно посмотрела на Кайрида, гадая, как поступить дальше? Представиться самой? Или здесь инициативу не поощряют? Может, нужно молчать и глаза в пол?

Прикусив губу, слегка двинула Растифора локтем в бок, надеясь, что он хоть как-то намекнет, что делать. Благо он меня понял.

– Знакомьтесь, господин Пустиш! – Кайрид слегка отодвинулся и указал на меня: – Моя помощница! Вы же сами просили добыть ее. Я добыл.

Добыл?! У меня дернулось веко. Так это он меня из дома в таком виде непонятно куда выдернул?! Или просто к слову выражение пришлось?

– Сообразительная, – тем временем, глядя на меня, продолжал разглагольствовать Кайрид, – тактичная, спокойная...

Я постаралась взять себя в руки и как можно более мило

улыбнулась ректору.

– ...радеющая за дело, – заливался соловьем Растифор, – покладистая и мечтающая работать в академии! Сама доброжелательность! Ненавидит опаздывать. Что еще?

Он чуть склонил голову, явно придумывая, как еще меня можно похвалить. Однако пауза все больше затягивалась, и я, не сдержавшись, помогла:

– Обожаю работать, – ляпнула с улыбкой. – Легко схожусь с людьми, общительная и открытая на все сто!

Из-под моей мантии хохотнул зайка.

«Правый!» – сразу догадалась я и наступила на него левым.

Ректор уставился на пол, где тоскливо лежала ткань слишком длинной для меня мантии. Затем вновь посмотрел в мои глаза, концентрируясь на левом.

«Он не покрашен», – вспомнилось вдруг. Стало стыдно. Я развернулась к Пустишу покрашенным боком и снова выдала фирменный оскал.

– А кто ее, говоришь, рекомендовал? – подступив к Растифору, уточнил старикашка.

Сомнение, проскользнувшее в его голосе, очень мне не понравилось.

– Ее? – переспросил Кайрид. – Надежные люди. По их сведениям, Ада – моя полная противоположность, господин Пустиш. Прямо как вы и просили.

Ректор недоверчиво покачал головой.

Вздохнув, я решила брать дело в свои руки. Ринувшись вперед, сообщила от всей души:

– Даже стоять рядом с вами – великая честь для меня! – От стресса голос слегка срывался и вибрировал. – Мое имя Ада. Соломинка! Я невероятно работоспособная, активная и трудолюбивая. Прибыла сюда на... мм... моби...

– Магобусе, – подсказал Кайрид с самым невозмутимым видом.

– На нем, – кивнула я. – И, честное слово, устала дико в пути! Но оно того стоило! Вот же он, вы!

Я сделала еще шаг, обхватила плечи ректора ладонями и неловко похлопала по ним, пытаясь изобразить восхищение во взгляде.

– Безмерно рада нашей встрече! – закончила я свою пламенную речь, протянув ему руку.

Старик, лицо которого слегка вытянулось за время моего монолога, быстро пришел в себя, моргнул и легонько сжал мои пальцы. Его рука была мягкой, кожа – шелковистой. Физическим трудом господин ректор явно не увлекался.

– Ян Пустиш, – проговорил он, озадаченно переспросив: – Соломинка Ада, значит? Это... что за имя?

– Это студенческое прозвище, – вступил в наш диалог Кайрид, хватая меня за локоть и аккуратно подтягивая назад. В то же время сам он двинулся на ректора, оттесняя того к двери и заговаривая зубы на ходу: – Девушка училась на боевом факультете и собиралась стать стражем на остро-

ве Адбург. Отсюда и имечко, сами понимаете. Но там у нее не заладилось – поняла, что хочет иного. И вот она здесь, с нами! Повезло!

– Повезло, – неуверенно повторил ректор, выглянув из-за плеча Растифора и бросив на меня выразительный взгляд, полный сомнений.

Я тут же изобразила на губах улыбку и помахала мужчине рукой.

– Буду вводить ее в курс дела, – вновь загораживая меня собой, продолжал говорить Кайрид. Потянувшись к двери, он ее открыл и практически вытолкнул ректора со словами: – Дадим девушке пару недель испытательного срока. Со мной мало кто может сработаться. Скорее всего, сбежит...

– Куда сбежит?! – нахмурился Пустиш, упираясь рукой в дверной косяк.

– К лучшей жизни, – пожал плечами Растифор.

– А здесь-то чем плохо? Девушка кажется вполне довольной, – ректор посмотрел на меня.

Я усиленно закивала и показала ему большой палец, подтверждая:

– Я буду очень стараться. А если пропаду – это не по моей воле. Сама я отсюда ни ногой!

Растифор обернулся, уколол меня полным негодования взглядом.

– Вот и славно! – обрадовался Пустиш и обратился к Кайриду с плохо скрытым злорадством: – Оставляем! Ее дея-

тельность на твоей ответственности, Растифор! И все промахи! Каждый промах – на тебе!

– Все как всегда, – услышала я ответ, а после дверь наконец закрылась.

Казалось, старик пытался сказать что-то еще, но не успел. Однако ломиться повторно не стал – наверное, ему хватило увиденного.

Повернувшись ко мне, Кайрид привалился к полотну двери и, смерив недовольным взглядом, уточнил:

– Соломинка Ада?

Тон его был таким, что я начала оправдываться раньше, чем это поняла.

– На самом деле полное имя Аделина, – ответила тихо и как-то заискивающе. – Но все сокращают, и я так привыкла.

– Из тысяч других имен она – Аделина! – выдал Растифор, закатив глаза. – Повезло – ничего не скажешь.

– Это бабушка настояла, – я нахмурилась. – И чем плохое имя? Уж явно не хуже этого Пустиша.

– Бедовая! – отозвался ворон со своего импровизированного насеста. – Хор-рошего человека так не назовут!

– Почему это? – не поняла я, раздраженно зыркнув на слишком говорливую птицу.

– В Энгорре не любят имена, созвучные твоему! – немного устало сообщил Кайрид. Оттолкнувшись от двери плечом, он двинулся ко мне, продолжая: – У нас есть остров... Адбург. Там держат каторжников. Смертников. Сокращенно

это место называют Ад. И боятся его как огня.

Оуч. Ну кто же знал? Хотя у нас тоже с сочетанием этих букв не все гладко...

— Раньше надо было инструктировать! — парировала я, отступая и упираясь лопатками в полки стеллажа. — Мне жаль. Но теперь-то чего? Ты же все исправил — придумал легенду. Красиво звучало. И правдоподобно.

— Да уж. — Он сверкнул темно-кариими глазами и перестал на меня напирать. Остановился и вперился взглядом куда-то в район моих ключиц.

Задумался. Скулы Кайрида обрисовались четче, стали острее, ноздри затрепетали. Теперь он выглядел совсем отрезанным и загадочным. То ли чокнутым, то ли сказочным...

— Эй, — позвала его я, заглянув в лицо, — все нормально?

— Нет. — Он моргнул, протянул руку к горловине моей мантии и, раньше, чем я успела понять, что вообще происходит, одернул ткань в сторону.

Отпрянув влево, я больно ударилась об одну из полок, зашипела, прикрылась руками и... столкнулась с совершенно свирепым взглядом Растифора. Он смотрел на мои пальцы так, будто я прятала под ними нечто ядовитое, способное отравить половину населения.

— Что такое? — заподозрив неладное, я, позабыв про стыд, уже сама оттянула ткань мантии, старательно отклоняя голову, чтобы разглядеть на собственной ключице непонятную

черную кляксу. – Не поняла! Это как понимать? Что за приколы такие?!

Я несколько раз провела по черной каракуле пальцами, пытаясь ее стереть – не тут-то было! Ошалело осмотревшись в поисках зеркала, обошла пристально следящего за мной Кайрида по широкой дуге и рявкнула:

– Чего молчишь?! Откуда у меня татуировка и что она значит? Как это вообще возможно? Уверена, утром ничего такого еще не было.

– Не мельтеши, – ответил этот тип, закрыв глаза ладонью, – нужно подумать.

Я недолго постояла, глядя на него в ожидании объяснений, а после, поняв, что сейчас до черноволосого не достучаться, снова оттопырила ворот. Вот только из моего положения разглядывать себя оказалось катастрофически неудобно. И тут я вспомнила про собственное зеркальце. Глянув на окаменевшего Растифора, не стала его беспокоить мелкими просьбами и сама прошла к столу. Открыла верхний ящик, присмотрелась. Заметив нужный предмет, протянула руку... и вздрогнула.

– Нет! – услышала очень близко голос Растифора.

Вот только поделать он ничего не успел – странная черная деревяшка словно сама прыгнула в руку и, стоило нам соприкоснуться, рассыпалась прахом. Вверх поднялась тоненькая струйка дыма.

Растифор, добежавший до меня, стоял рядом и загадочно

смотрел то на меня, то на дымок, то на черный песок в ящике. Судя по выражению его лица, он был немного расстроен. Так прошло примерно с полминуты, и я, устав ждать дальнейших действий, брезгливо отряхнула ладони.

Кайрид, наблюдавший за мной, шумно сглотнул, склонил шею влево-вправо, слышался хруст. Остеохондроз у бедняги, похоже...

– Ну, Соломинка... – проговорил наконец. – Какого...

Не сумев подобрать достойных слов, он закатил глаза к потолку и быстро зашевелил губами. Судя по нездоровой окружающей атмосфере и вздувшейся на шее Кайрида артерии, мне прислушиваться к его тихой речи не стоило. Так что я изобразила раскаяние и просто ждала итога.

– Зачем?! – спросил он, нашептавшись вдоволь.

– За зеркальцем, – с готовностью ответила я, вынимая нужный предмет и открывая на ходу: – Посмотреться. Ничего плохого не хотела. Деревяшка сама, клянусь!

Растифор шумно вздохнул и продолжил разговор очень тихим, спокойным голосом, от которого, однако, хотелось вжать голову в плечи:

– Допустим, ты и правда не хотела. Как открыла ящик?

– Руками, – пожала плечами я. – Взялась за ручку, потянула на себя и... А у вас что, иначе как-то открывают?

– У меня здесь защита, – терпеливо пояснил он. – Никто кроме меня туда влезть не может.

– На ключ, что ли, заперто было?

– Вроде того, – Растифор сжал и разжал кулаки. – На очень надежный ключ.

– Но я же смогла открыть.

– Именно. Как?!

– Вот заладил, – пробубнила я, не понимая, что конкретно этот шумно дышащий субъект от меня хочет услышать.

Посмотрев на стол, я осторожно закрыла ящик и снова потянула на себя – тот спокойно выдвинулся навстречу.

– Может, сломалось что-то? – предположила я, глянув на Кайрида. – Или ты просто забыл запереть?

– Не сломалось пока, но жизнь моя точно дала трещину!

Растифор всплеснул руками, здорово меня напугав. Я отшатнулась и от испуга бросила в него зеркальце. Гаденыш поймал кругляш на лету и уставился на меня в ожидании объяснений.

– Просто реакция сработала, – брякнула я виновато, – думала, ты на меня замахнулся.

– Я?! – Черноволосый так поразился, будто это не он совсем недавно обсуждал с вороном, стоит ли от меня избавляться.

Потом, когда, видимо, полностью осознал, что я действительно ждала удара, вытянул в мою сторону слегка дрожащий указательный палец и какое-то время так и стоял, будто хотел сказать что-то, но никак не мог. В итоге громко ругнувшись непонятным мне словом, протянул зеркальце, стараясь передать его так, чтобы наши пальцы не соприкосну-

лись, и поставил перед фактом:

– Я не бью тех, кто не представляет опасности, Аделина.

– Это хорошо, – улыбнулась я.

– Но с тобой я еще не определился! – тут же рявкнул он, после чего прошел в центр кабинета, принявшись расхаживать там взад-вперед. Злой. Очень-очень-очень злой.

И только я решила побыть понятливой глухонемой невидимкой, чтобы дать мужику переварить явно не лучший его день, как очухался гадский ворон.

– Кор-рмила бы сейчас р-рыб в океане, а мы бы гор-ря не знали, – прокаркало это нахальное существо, зыркая на меня глазами-бусинками. – А я говор-рил!

Кайрид остановился, посмотрел на меня, потер переносицу и сообщил:

– Ладно, будем решать эту проблему по-другому. Надо понять кое-что. Кулаками после случившегося махать – не выход.

– Не выход, – болванчиком закивала я, радуясь такой логической цепочке.

– Всех повесят, – на этот раз проскрипел череп со стеллажа. – Сегодня ли, завтра или позже? Тот свет примет каждого рано или поздно.

– А говорили – неразговорчивый, – посетовала я, передергивая плечами.

– Да уж, оптимистичненький народец, – раздалось из-под моей мантии. – Всех бы им прибить и повесить. Ну ничего,

Ада, мы тут порядок наведем! Только сними нас с ног, душно ужасно.

– Усмири свои тапки, – бросил Кайрид, вставая в центре кабинета, – и следуй за мной. Используем портал, Соломинка Ада. Сейчас я стану проводить манипуляции руками. Не для того, чтобы тебя бить. Это ясно?

Я почувствовала легкое смущение и медленно кивнула, решив сделать вид, что не слышу издевки в его голосе.

– Портал – это проход сквозь пространство с помощью магии. В нужную мне точку. Грубо говоря, это прыжок из одного места в другой.

– Звучит жутковато. Не ходи, – подсказал правый зайка, сползший с моей ноги и выглядывающий теперь из-под серой мантии.

– Отчего же? Если он пройдет первым, то стоит попробовать, – ответил ему левый, так же вышедший вперед.

Ногам сразу стало холодно.

– Иди сюда, – вновь позвал Растифор, вставая полубоком. – Смотри, бояться нечего.

Вытянув руки перед собой, черноволосый медленно закатал рукава рубашки, открывая вязь витиеватых татуировок на красивых загорелых запястьях, пробормотал новую околесицу на неизвестном мне языке и резко развел кисти в стороны.

Между его руками появился разрастающийся просвет, переливающийся вспышками серебристых молний. Не в си-

лах бороться с природным любопытством, я подошла ближе. Вскоре стало возможным разглядеть там, внутри, очертания другого помещения. Я увидела диван со столиком. Торцев шкафа... и скелет человека во весь рост. С подносом в руках!

– Данный путь ведет ко мне в дом, Аделина, – пояснил Кайрид, медленно обходя образовавшуюся дыру в пространстве. – Там тебя не найдут, ведь ко мне никто не ходит без приглашения.

– Вот уж удивительного мало, – проговорил неугомонный правый зайка, прискакавший ко мне. – Туда и по приглашению не хочется.

– Почему я должна идти? – спросила настороженно. – Мне никто ничего не объяснил. Может быть, тот самый Пустиш быстрее мог бы решить мою проблему.

– Какую именно? – Кайрид склонил голову и потер слегка выдающийся подбородок, наблюдая за мной.

– У меня всего одна беда – появление здесь! – напомнила я.

Он улыбнулся не размыкая губ, переводя красноречивый взгляд на мои тапки. Те засуетились, спрятались за меня. Не дураки совсем...

Выдержав эффектную паузу, Растифор соизволил продолжить разговор:

– На самом деле вся ты – одна большая головная боль, Аделина Соломинка. Иномирянка со странным именем и го-

ворящими тапками. Проще и правильнее всего было бы от тебя избавиться, чтобы не мучиться, но я этого не делаю. Всему виной...

– Благородство! – подсказал левый зайка, заискивающе кося вышитыми глазками.

– Да он просто любитель порисоваться, – фыркнул правый. – Цену себе набивает.

– Дур-рость всему виной, – поддержал беседу ворон. – Молодой еще, р-рисковый.

– Нездоровое любопытство – вот мой главный порок! – усмехнулся Растифор, выслушав все версии. – Слишком много обстоятельств слились в одно, чтобы ты здесь появилась, прыгунья. И назвать это случайностью язык не поворачивается. Кто-то помог нам вытащить тебя сюда. Поэтому я хочу понять, кто ты, зачем здесь и как тебя вернуть в твой мир.

– Таким же порталом, – подсказала я, указав пальцем на маленькую бездну, все еще сияющую посреди кабинета. – Я пришла через него. Могу адрес назвать.

– Боюсь, это мало поможет, – ответил Растифор. Поморщившись, он потер запястья, и я невольно бросила на них взгляд, отмечая вздувшиеся вены под вязью необычных татуировок.

Портал передо мной неожиданно стал уже.

– Нужно идти, – напомнил Кайрид. – Пустиш вот-вот может вернуться, и вопросов будет уже больше.

– Но если он – ректор и главный здесь, значит, сильнее? – задумалась я. – И возможно, он помог бы отправить меня домой?

На лице Растифора мелькнуло раздражение.

– С утра Пустиш мечтал меня уволить, но не нашел повода, – сообщил он. – Какова же будет его радость, когда ты дашь ему повод для двойной казни? О, он будет счастлив.

– В каком смысле казни? – Я напряглась. – У нас, может, значение слов не совпадает?

– Казнить – значит лишить жизни, – любезно пояснил Растифор. – Вызов неизвестной твари из иномирья карается смертью.

– Как?! – Я подбоченилась: – Во-первых, прекрати называть меня такими гадким прозвищем!

– Действительно, Соломинка Ада звучит куда лучше...

– Во-вторых, – перебила его я, – получается, это ты украл меня из ванной и захватил в плен?!

– Куда? – он нахмурился.

– В плен! Рабство! Отсутствие свободы...

– Кабала! – подсказал правый.

– «Каб» что? – Левая бровь Растифора поползла вверх. – Да на кой рейт вы мне здесь сдались? Бери свои тапки и иди! Дверь там!

Я потопталась на месте, уточняя:

– Куда?

– На свободу, – холодно ответил он. – Но предупреждаю:

с тех пор как покинешь помещение, станешь мишенью. Для меня в том числе. Не хочу, знаешь ли, умирать так глупо, потому...

Я прикусила губу, помялась и уточнила:

– А у тебя в доме еда есть?

Кайрид кивнул.

– А ковры на полу?

Он бросил взгляд на кончик мантии, стелившейся вокруг меня по полу.

– Найдется что-нибудь. Портал закрывается, и я больше не намерен его удерживать открытым. Ты идешь или нет?

– Да.

Я зажмурилась и сделала шаг вперед. Потом еще один и еще... Было дико страшно вновь соваться в эту размытую помесь бликов и света.

Устав ждать, Растифор бесцеремонно схватил меня за локоть, направляя и бормоча что-то о глупых девицах, боящихся собственной тени.

Прислушиваясь к себе, никаких особых ощущений при переходе я не ощутила. Разве что легкую тошноту, но это скорее от нервов, голода и отношения к Растифору – он мне не нравился.

– Не чувствуйте себя как дома, – услышала его голос, и мой локоть обрел свободу. – Особенно вы, тапки!

Я распахнула глаза и поняла, что нахожусь в плохо освещенной комнате с высоким потолком. А передо мной стоял

он... скелет! Одетый в пиджак и сильно потасканные брюки. С подносом в руках...

Тут же возникло сильнейшее желание вернуться в светлый кабинет. Но увы, волшебный переход пропал, а сзади красовался большой обшарпанный камин, заставленный свечными огарками.

– Ну и халупа, – возмутился правый заяц, крутя головой не хуже меня и останавливая взгляд на скелете, – интерьерчик так себе. Зачем здесь такая неказистая вешалка?

– Это Бустияр, – буднично ответил Кайрид, махнув рукой на одетые в костюм кости. – Он здесь служит.

– Подставкой? – Правый заяц хмыкнул и осуждающе заметил: – А как же уважение к усопшим? Или это не настоящие кости? Страшененький какой...

– Посимпатичней тебя, – ответил Растифор, подманивая меня к себе и предупреждая: – Теперь запоминай, Соломинка, в моем доме ничего нельзя трогать без спроса. Даже если очень захочется. Даже если думаешь, что ничего плохого не случится. Кричать тоже нельзя. В закрытые помещения не ходить, лишних вопросов не задавать. Из дома ни ногой...

– Дышать можно? – перебила его я, обнимая себя за плечи и чувствуя ужасный холод.

Пол в гостиной, в которую нас привел этот нехороший человек, был гладким и черным. Будто наливной. Стены, выкрашенные в темно-коричневый цвет, изредка разбавлялись страшными картинами в красно-серых тонах. Скучно при-

сутствующая мебель в виде кожаного дивана, стола, комода и двух стульев также имела темные оттенки...

Другими словами, дом Растифора очень напоминал мою собственную квартиру. Только у него не присутствовал запах сырости и не гуляли сквозняки. Зато нашелся улыбающийся скелет.

Стоп. Что?!

– Кайрид, – позвала я шепотом. – Пст.

Он поморщился, кивнул:

– Слушаю тебя, прыгунья.

– Твоя подставка... – Я попятилась, не сводя взгляда с причины неконтролируемого страха. – Оно живое.

Скелет шевельнулся, повернул голову ко мне.

Я схватилась за сердце и приготовилась кричать.

– Сказано же, не шуметь! – рывкнул Растифор, явно уловив всю гамму чувств по моему выражению лица и пытаюсь предотвратить истерику. – Повторяю, Соломинка, Бустияр служит в этом доме! Он – дворецкий.

– Госпожа, – проскрипел скелет, после чего прижал поднос к груди и пригнулся в подобии поклона. – Радость.

– Кому радость, а кому в комнату задумчивости теперь нужно, – просипел правый заяц, оказавшийся рядом со мной.

Громко сглотнув, я переспросила:

– Дворецкий? Разве такое бывает?

– Гости, – кивнул скелет. – У нас.

– Да, у нас гости, – подтвердил Кайрид, сменяя тон на более дружелюбный. – Как ты и мечтал. Теперь проследи, чтобы она, с ее гнусными тапками, никуда не лезла и ничего не трогала, пока я буду вызывать еще нескольких господ.

– Еще?! – В скрипе скелета улавливалось явное удивление.

У меня мурашки уже не бежали по коже, а носились со скоростью света!

– Да, сегодня день открытых дверей, – недовольно покосившись в мою сторону, бросил Растифор. – Еще никто толком не пришел, а уже хочется их закрыть.

Скелет, проскользнув мимо, поманил меня за собой, кратко сообщая о своих намерениях, заставивших поежиться:

– Идти сюда. Я греть.

– Не ходи, Ада, – пробубнил правый заяц, прижимаясь к левому, – страшно представить, как оно тебя греть будет.

– По-моему, Бустар больше нам рад, чем сам хозяин дома, – ответила я, с некоторой обидой глядя на замершего истуканом Растифора. Тот никак на меня не отреагировал. Прижав руку к уху, он стоял закрыв глаза и чуть склонив голову.

– Эй, – позвала я его, собираясь напомнить про обещанную еду и вообще поговорить о деле.

– Нет, – проскрипел скелет, привлекая мое внимание. – Не слышит гости. Ушел.

Я «переварила» сказанное и снова посмотрела на Кайри-

да. Да, тот и правда выглядел так, будто отошел... тронулся умом. Медленно поднимая руку, он несколько раз кивнул. Из глаз каффа в его ухе брызнуло красное сияние.

– Инфракрасный порт, что ли? – критично разглядывая открывшееся зрелище, предположил правый заяц.

– Магия, – грустно ответил левый. – Кажется, здесь все замешано на волшебстве.

– Гости, – напомнил о себе Бустар, вставший в проходе. – Я проводить.

Не теряя больше времени, я быстро прошлепала босыми ногами за скелетом, бубня на ходу:

– Какой неприветливый, мрачный, странный мир. Неудивительно, что здесь и люди такие же... То гонят, то приглашают, чтобы потом снова забыть о твоём существовании. Какой-то бред, честное слово.

Скелет медленно двигался вперед, стараясь держаться на расстоянии: то ли обо мне волновался, чтоб я его не боялась, то ли за себя переживал – не знаю.

Из гостиной мы вышли в небольшую прихожую, также выдержанную в темных тонах. И уже оттуда завернули влево, в просторную, неожиданно светлую кухню.

Мне сразу понравились два больших окна, наполовину занавешенные ярко-сиреневой тканью с оборками по краям – совсем как в моем мире. Пол был наливной, как и в гостиной, зато нежно-голубого цвета. Стены выкрасили в розовый... Мебель же вся оставалась белой и странной: вместо привыч-

ной плиты справа стояла громоздкая махина, занимая всю стену. Это была помесь старинной печи и нашей техники одновременно. Каменная бандура выглядела внушительно – метра три вверх, под самый потолок, и четыре – в стороны. Исчерченная рунами по бокам и низу, с двумя прозрачными дверцами посередине, за одной из которых были освещены сразу шесть полок. И – о чудо! – на каждой что-то готовилось.

В желудке все скрутилось от радостного предвкушения раньше, чем я успела подумать, угостят ли меня вообще. С трудом отведя взгляд от чудо-плиты, под звуки недовольного урчания из своего живота рассмотрела высокую дубовую столешницу, выполненную в виде буквы Г и занимавшую почти весь остальной периметр помещения. Под ней были вмонтированы тумбы – совсем как принято у нас. Ну а слева от входа нашлась еще одна дверь и глубокий рукомойник на высокой стеклянной ножке. Из керамического крана, закрепленного на стене, капнула вода.

– Значит, у вас и канализация есть! – обрадовалась я, с облегчением разглядывая чудо-технику. Сквозь стеклянную ножку легко просматривалась труба, уходящая в пол. – И ванная, может, найдется?

– Есть, – согласился скелет, как раз вынудивший из шкафчика под столешницей милый сиреневый передник. Принявшись надевать его на себя, Бустияр ткнул пальцем на стул, попросив деловито: – Сначала кормление. Угощение. И го-

рячий напиток. Пить.

– С удовольствием! – обрадовалась я, подумав про себя, что невнятная речь скелета с лихвой компенсировалась его приветливостью и внимательностью. Прелесть иметь такого дворецкого! Пусть даже не самого живого на вид...

Усевшись на мягкий стул, обитый розовым велюром, я даже немного расслабилась, когда почувствовала, как что-то пушистое коснулось ноги.

– Адочка, – тихо позвал меня подоспевший правый заяц, – кажется, заводчик ворон вызывает кого-то через ИК-порт в своем ухе. Скоро сюда придут по наши души. Бежать бы нам.

– Куда? – флегматично поинтересовалась я, зачарованно глядя на то, как Бустиар открывает печку. В кухню хлынул божественный запах свежей выпечки, и из меня полились признания: – Сейчас я настолько устала и голодна, что просто нет сил о чем-то волноваться и куда-то бежать... Нет уж, сначала поем, потом вымоюсь, потом выслушаю Растифора, и уж тогда...

– Тогда может быть уже поздно, – занудел заяц. – А этот тип не внушает доверия.

– Это и так ясно, Карл, – раздраженно бросила я. – Но сейчас я доверяю не Растифору, а этому прекрасному дворецкому.

– Как ты меня назвала? – неожиданно всполошился правый.

– Да это просто выражение такое, – начала объяснять я,

решив, что он обиделся. – Устойчивое выражение, и все. Ты как бы сказал очевидную вещь...

– Карл, – восторженно пропел правый, закатывая глаза от наслаждения, – как мне нравится. Скажи еще раз.

Я растерянно повторила имя.

– Адочка, – тут же потерялся об меня появившийся из ниоткуда левый, – а как же я? Один, в чужом мире, без имени и средств к существованию...

– Ну... – пробубнила, косясь на обернувшегося к нам скелета. – Я даже не знаю. Вообще вам, наверное, и правда нужны имена.

– Очень-очень нужны, – запричитал левый.

– Ладно. Тогда ты... Мортимер! Морти, – ляпнула я, улыбнувшись. – Карл и Морти. По-моему, вам очень идет.

Стоило договорить последнее слово, как вокруг моих прекрасных тапочек появилась серая дымка, все больше густея и накрывая их собой. Я пискнула, влезла на стул с ногами, испуганно крикнув Бустияру:

– Скорее, нужно что-то сделать! Мои тапки засасывает куда-то! Это снова случилось – их кидает в новый мир.

– Это перерождение, – очень спокойно проскрипел скелет, после чего поставил на стол поднос с пирогом, украшенным сверху косичками из теста. – Вы дать имя. Они жить дальше. Обновление. Будут нормальные. Как я.

– Как вы? – У меня волосы зашевелились от перспектив. – Вот уж замечательно... Представляю, как Растифор обраду-

ется.

Глава 4

Студенты темного факультета

Кайрид

Отвратительный день был в самом разгаре, и Растифор не без основания ждал от него новых гадостей. Отправив сообщение для Мейбл, он направился в кухню, дабы не оставлять иномирянку надолго.

Аделина Соломинка – так она представилась. И судя по отголоскам эмоций, девушка не лгала. Девушка... Растифор покачал головой, вспоминая свое удивление во время ее переодевания. Судя по тому, что ему удалось рассмотреть, Аделина ничем не отличалась от энгорянок. Две ноги, две руки, голова, шея, туловище... Грудь. Ничего общего с чужими из других миров. Рассказать кому, что такое возможно – не поверят!

Растифор понял, что ухмыляется, и быстро вернул на лицо нейтральное выражение. Так и вошел в кухню. Правда, удержать видимость равнодушия надолго не вышло, помешали тапки. Хотя теперь обувь их можно было назвать с большой натяжкой.

– Что здесь происходит? – спросил Кайрид, наблюдая за тем, как теперь уже бывшие тапки лакомятся пирогом с мясом, при этом оставляя тесто в стороне.

Розовые тельца приобрели объем, дырка для ноги затянулась, шерстка стала больше похожей на натуральную, уши стояли торчком, а на задницах мило колыхались розовые пушистые хвостики.

– Ой, – наигранно радостно отозвалась Соломинка, обернувшись к нему и быстро стряхивая с губ крошки от пирога, – а мы тут сил набираемся.

Растифор заломил бровь и красноречиво указал пальцем на притихших зайцев. Аделина затрепетала ресницами, старательно изображая наивную дурочку, и добавила тихо:

– А это Карл и Мортимер.

Зайцы обернулись. Из рта одного из них показался неестественно длинный язык, стремительно облизывающий наглую морду недотапка по самый нос. Второй заяц выдал ехидную улыбку, демонстрируя мелкие острые зубки и сообщая:

– Мы теперь как Бустар. Полноценная нежить.

Растифор застонал:

– Соло-оминка!

– Я не виновата, – затрещала она, вскакивая, – откуда мне было знать, что я такое могу?! Кто меня предупредил?!

Растифор молча уперся лбом в дверной косяк, думая про себя о том, что никто не смог бы предупредить иномирянку заранее, потому что никто и не мог знать, что такое вообще возможно! Девчонка все больше походила в его глазах на кусок сырой магии. От нее проще было бы избавиться, чем

научить управлять силой.

– Хозяин пить? – с грустью уточнил Бустиар, возникая рядом с бутылкой гномьей настойки.

– Так он еще и пьющий! – поразился один из зайцев. – Этого только не хватало! Наши хрупкие жизни в руках алкоголика! Спасибо этому миру, но мы идем дальше! Собирайся, Ада. Бустиарчик, солнышко, заверни нам чего-нибудь с собой. И побольше.

Растифор оторвался от дверного косяка и молча двинулся к недотапку. С этим шутовством явно пора было заканчивать. Привычно шевельнув пальцами, он ощутил на их кончиках легкое покалывание – сила моментально отозвалась на зов...

– Не надо! – Перед Кайридом встали сразу двое. И если от иномирянки такое вполне ожидалось, то Бустиар порядком удивил.

– Го-ости, – с грустью простонал скелет, закрывая собой наглую красную морду пушистой нечисти. – Как я.

– Они не виноваты! – добавила Соломинка, заглядывая Растифору в лицо. – Это все я. Нет, это все вы! Если бы меня предупредили о последствиях, я бы никогда не стала давать им имена. А теперь Карл станет разменной монетой! Это нечестно.

– Карл, значит? – переспросил Кайрид. – Это правый, верно?

– Да. – Иномирянка покосилась на слишком близко встав-

шего к ней Бустияра и немного отступила.

– А левый Мортимер?

– Ласково – Морти, – улыбнулась Ада.

Зубы у нее были белые и ровные. Губы полные и сочные. В их уголке застряла крошка от пирога...

«Действительно человек», – не уставал поражаться Кайрид.

– И меня надо ласково! – неожиданно раздалось из-за спин защитников. Спустя пару секунд рядом с ногами Аделины появилась нахальная заячья морда, предлагающая варианты нового имени: – Карлсончик? Карлуша? Карлсавец?

Соломинка тихо засмеялась.

На ее правой щеке появилась глубокая ямочка, глаза сузились. А в груди Кайрида что-то шевельнулось – будто эмоции этой девушки попытались прорваться в него, несмотря на тщательно установленные щиты.

Заяц шевельнулся, потерся об Аделину, явно напрашиваясь на ласку.

Голубые глаза у нечисти оказались слегка раскосыми, кожаный черный нос то и дело двигался, словно принюхиваясь, а рот съехал на сторону, придавая морде необычное заискивающе-скептическое выражение.

Растифор стремительно присел перед ним на корточки и быстро коснулся макушки. Карл не успел даже моргнуть – так и застыл с удивленно распахнутыми глазами.

– Что ты делаешь? – Ада села рядом с ним, сжала кулаки.

Кайрид, спустивший эмпатические щиты, чувствовал отголоски ее чувств. Девушка искренне волновалась за созданную ею нечисть, хотя дотронуться до нее не решалась — явно боялась. Прикусив губу, Аделина испуганно смотрела на пальцы Растифора, с которых лениво, будто бы нехотя, лилась черная энергия.

— Прекратите это делать, — попросила она почему-то шепотом.

В обычной ситуации Кайрид не удостоил бы ее ответом, но его буквально пронзила щемящая грусть, причем исходящая не только от Соломинки. Подняв взгляд, Растифор увидел Бустияра, прижимающего к себе дрожащего Мортимера. Уши второго зайца были опущены, а глаза косили в два раза сильнее прежнего.

— Это просто проверка, — не выдержал эмоционального давления Кайрид. — Хочу понять, на какой стадии обращение и не опасен ли зверь сейчас.

Три слаженных облегченных вздоха были ему ответом.

— Просто кружок нечестилюбителей, — сварливо пробормотал Растифор, возвращая щиты и призывая силу назад. — Ладно, тьмы в этом мерзавце не так много. Но его манерами вам стоит озаботиться. Всем вам!

Кайрид поднялся и предупреждающе осмотрел всю странную троицу. Бустияр отмер первым, проскрипев:

— Хозяин будет есть. Я накрывать. Давать любимый пирог.

— Принеси в мой кабинет, — холодно бросил Растифор,

злясь на себя за слабохарактерность. Отворачиваясь, он проворчал: – Следи за зайцами. Теперь они на твоей совести. А ты, – Кайрид обернулся к притихшей иномирянке, – за мной. Нам пора поговорить.

– У, злыдень, – послышалось сзади. – Адочка, крепись. Не принимай близко к сердцу его угрозы и ничего не подписывай! И спиной к нему не поворачивайся. И за его руками следи! И...

– Я буду настороже, – заверила Соломинка, – а вы постарайтесь ничего не натворить. Спасибо за обед, Буститар, пирог идеален.

Растифор свернул к кабинету и почувствовал легкий укол совести – вспомнил, что девушка до сих пор не обута и, скорее всего, голодна. Он никак не мог принять тот факт, что Аделина Соломинка реальная и она – человек, а не мерзкое чудовище, способное лишь на убийство. Как подобное стало возможным?! Это предстояло выяснить, и чем раньше, тем лучше.

– Сюда. – Растифор пропустил гостью вперед, остановившись на пороге кабинета. От него не укрылось, с какой настороженностью Аделина вошла внутрь – она не доверяла ему, даже побаивалась. Кайрид знал это наверняка, потому что, убрав щиты, с интересом считывал ее эмоции.

Пока девушка осматривалась, он «прощупывал» ее, подмечая каждый отголосок чувств.

– У вас очень... миленько, – наконец проговорила Адели-

на, повернувшись к нему. – Только почему в приоритете такие темные цвета?

Растифор пожал плечами, окинув взглядом привычную обстановку: засыпанный документами стол, два кресла, стену, полностью занятую книгами, обогревающий камень и диван. Окна были плотно занавешены темно-синими гардинами.

– Такое ощущение, что здесь живет вампир, – продолжила делиться впечатлениями Ада, – и дневной свет его убивает.

Растифор усмехнулся. Указав ей на кресло, он встал рядом, опершись бедром о стол и сложив руки на груди. Соломинка немного потопталась на месте, опасливо присела и пытливо уставилась на Кайрида. Ее эмоции скорее мешали мыслить рационально, чем помогали: их штормило от неловкости, злости и отчаяния к благодарности и всепрощению, а затем по новой.

Растифор мотнул головой, потер виски и, приняв решение, заговорил:

– У меня масса вопросов к тебе, иномирянка. Как и у тебя ко мне. Но прежде всего ты должна понять: для того чтобы как можно быстрее вернуть тебя на место, мы должны быть честными друг с другом. Это ясно?

Сомнение, неуверенность, страх... смирение пополам с опасением.

– Да.

– Хорошо. – Кайрид потер ладони и, приблизившись, про-

должил: – Сейчас я хочу еще раз увидеть метку на твоей ключице.

Гнев, смущение, злость... смирение. И снова злость.

Враждебность отразилась и на лице.

– А больше тебе ничего не показать?! – Аделина нахмурилась, прикрылась руками. – Откуда она вообще взялась на моем теле?! Раньше там точно ничего не было.

Собственное желание усмирить девушку перекрыло все его эмоции. Нужно лишь призвать магию и лишит иномирянку воли. Тогда она больше не сможет противоречить, колебаться и тратить его время! Но и рассказать о себе ничего также не сможет...

Растифор помедлил, убеждаясь, что не сорвется, и стал объяснять очевидное:

– Руна появилась от нашего соприкосновения, что само по себе очень настораживает. Так не должно быть.

– Вот именно, – Аделина закивала, – не должно.

Страх и обида. Одиночество. Тревога...

И снова что-то отозвалось внутри Растифора. Собственное – так схожее с ее чувствами. Пугающее, тянущееся навстречу.

Он отшатнулся, вернул эмпатические щиты на место, нахмурился.

– Кто-то сделал так, чтобы ты провалилась в мой мир, – проговорил Кайрид, стараясь не показывать ей, насколько сбит с толку. – И этот кто-то озаботился тем, чтобы при на-

шем соприкосновении появилась связь.

– Связь?! – Не нужно было пользоваться эмпатией, чтобы понять ее чувства. Они были написаны прямо на лице Со-
ломинки. – Это на что ты такое намекаешь?! Мне никаких
связей не нужно, я сама по себе!

*«Я сам по себе! – услышал Растифор собственный голос
из далекого прошлого. – Мне твоя помощь не нужна, ясно?!
Ничья не нужна!»*

Старые воспоминания заставили неприязненно помор-
щиться. Отвернувшись от сжавшейся на кресле Аделины,
Растифор прошел к обогревающему камню и активировал
его. Заботиться о ком-то он никогда не любил, не понимал
этого, принимал за слабость. Впрочем, необходимость ду-
мать о ком-то кроме себя и была слабостью.

– Эй, – Аделина не вынесла повисшей тишины. – Что ты
там имел в виду? Договаривай. Я обещаю не перебивать.

Растифор обернулся и неожиданно подумал, что девчонка
совсем молодая. Не старше тех семи обалдуев, что ему всу-
чили полгода назад со словами *«Большие никто не берет
за них. Если не ты, то придется задуматься об ограничении
их сил при помощи печати»*.

Они называли это ответственностью и благим делом. Он
сразу понял, что это очередной геморрой, но... дар не поз-
волил отказать.

– На тебе появилась руна «лабри» – терпеливо произнес
Кайрид, глядя в огромные голубые глаза сидящей напротив

иномирянки, – она означает соединение воедино. Круг, разделенный пополам волнистой линией. Обычно эта руна является частью брачного рисунка, Аделина.

– Б-брачного?! – она покачала головой.

Растифор кивнул и добавил:

– На самом деле это была хорошая новость. «Лабри» – хотя бы известная мне руна, а вот другие две, стоящие по бокам от нее, я не знаю. И эта новость скорее плохая.

Аделина, помолчав пару секунд, вскочила с кресла и сама отодвинула мантию в сторону, оголяя ключицы.

– Так, – уверенно заявила она, – смотри! И скажи мне, что я все еще свободна, как ветер. Никаких союзов! Слушай, может, это мочалкой стереть? У вас здесь есть душевые кабины и мыло? Или ты пошутил? Тогда это совсем не смешно! Но я не обижусь, если признаешься прямо сейчас.

– Не пошутил. Помолчи, – раздраженно ответил он, призывая пару магических светляков поближе.

Аделина глухо замычала, попыталась посмотреть на вязь рисунка, сильно отклоняя голову назад, хныкнула...

– Мешаешь, – заметил Растифор, качнув перед ее глазами указательным пальцем. – Замри, Соломинка. – Он всмотрелся в руны, указывая на центральную. – Вот она. «Лабри». Так, а это...

Кайрид осторожно коснулся рисунка слева. Помедлил, прислушиваясь к ощущениям – больше ничего не происходило. Иномирянка в это время даже дыхание задержала.

– Расслабься, – посоветовал он, обводя две галочки, расположенные друг над другом, углом вниз. – Я просто смотрю.

Он перевел взгляд на руну справа. Перевернутая набок восьмерка, с квадратом в основании одного из кругов. Просто восьмерка была бы подчинением, но с дополнением могла значить все что угодно...

– Последний раз, когда ты так смотрел, у меня на теле появились эти каракули, – прошептала Соломинка в ответ.

Кайрид отметил про себя, что она всегда понижает голос, если взволнована. А еще понял, что вновь чувствует ее эмоциональный фон, хотя щиты не должны этого позволять. Взглянув иномирянке в глаза, он решил пояснить свои действия, чтобы Ада не отвлекала его своим досадным беспокойством.

– Я – темный маг высшей степени дара и владею многими знаниями, – монотонно начал он, – в моем распоряжении три стихии и... другие способности. Но руны – это иное. Это отдельный вид мастерства...

– Пфф, – прервала его Аделина. Отодвинувшись, она вернула мантию на место, прикрыв вязь магического рисунка, и пробубнила: – Высшая степень дара у него есть, но знаний – ноль. Просто посланник небес мне в помощь... Итак, что у меня за татуировка на теле – не знаешь. Что дальше? Может, поговорим о том, как я здесь очутилась?

– Хорошо. Поговорим об этом.

Растифор вынул из кармана часы, прикидывая, через

сколько должна появиться Мейбл. Он порядком устал от столь длительного общения с нахальной девицей. В тумбе стола его ждала бутылка шикарного успокоительного, а в борделе на вечер была запланирована встреча с чудесной, готовой на все женщиной...

– Почему меня выбросило в твой кабинет? – не умолкала Аделина.

– Потому что кучка чрезвычайно любопытных студентов решила опробовать новый вид призыва нечисти, – ответил Кайрид, вновь приваливаясь бедром к столу и беря в руки перо с куском бумаги. – Кто-то присоединился к ним во время празднования удачно закрытых сессий и всучил инструкцию с подробным описанием ритуала. Этот кто-то посоветовал быть очень осторожными, ведь с подобной магией весьма сложно справиться. Можно сказать, бросил вызов молодым дарованиям...

– Они что же, настолько тупые у вас?! – поразились Ада.

– Самоуверенные, наглые, считающие себя всезнающими, – пожал плечами Растифор, выводя на бумаге руны, которые теперь красовались на ключицах иномирянки. – Кроме того, все выглядело весьма безобидно. Почти все руны – типовые, за исключением пары приписанных сверху закляток.

– Правильно ли я понимаю, что среди них также нет специалистов по этим рисункам? – прозорливо уточнила Соломинка, тыча себя рукой в грудь.

– Правильно, – не стал спорить Растифор. – Мастера рун – большая редкость среди магов. И да, я признаю, что они идиоты. Впрочем, как и я сам.

Он дунул на бумагу с рунами, смял ее и, прошептав заклинание, отправил послание одному из немногих людей, которому все еще доверял. Посмотрев на притихшую Соломинку, продолжил рассказ:

– Решив, что помог им нейтрализовать последствия призыва, я хотел осмотреть, с чем конкретно они экспериментировали. И... ловушка захлопнулась.

– Ловушка? – Аделина нахмурилась.

Кайрид кивнул:

– Именно после моего прикосновения к куску дерева открылся портал. Значит, на то и был расчет. К счастью, я знаю пару человек, специализирующихся на магии рун, и попробую разобраться со всем в кратчайшие сроки. Однако сейчас меня волнует еще кое-что... – Он посмотрел на Аделину и вкрадчиво спросил: – Если я правильно понял, тапки, прилетевшие с тобой в этот мир, упомянули, что могли слышать задолго до сегодняшнего дня?

Девушка задумалась, вздохнула:

– Да, кажется, они говорили что-то такое.

– А как насчет тебя? Ты чувствовала что-то странное в последние недели? – Кайрид слегка подался вперед – слишком много он успел проморгать, расслабился, упустил важное...

– Признаться, я не знаю, – тихо ответила Аделина. – У

меня... был тяжелый период. Я плохо спала, мало ела, ну и... Да, были кошмары, но в моей ситуации – это нормально.

– Что за ситуация? – давил Кайрид. – Я должен знать.

Соломинка отвернулась, поправила рукав мантии, села удобнее и сообщила как ни в чем ни бывало:

– Смерть родственницы. Она долго болела и потом все-таки умерла. Я тяжело переживала потерю. Даже, наверное, с перебором. – Ее голос слегка сорвался. Девушка откашлялась, на пятнистой коже щек выступил неравномерный румянец.

Растифор почувствовал легкую тяжесть внутри, словно вновь вернулись те времена, когда его можно было задеть за живое словами... Подавив желание грязно выругаться, он собрался расспросить иномирянку о подробностях происхождения, чувствуя, что нащупал нечто важное, но тут в кабинет постучали. Показавшийся после приглашения Бустар внес поднос со снедью и сообщил о прибытии госпожи Мейбл.

– Наконец-то! – обрадовался Кайрид. – Пригласи ее. – Обернувшись к испуганной Аделине, он усмехнулся, поясняя: – Это одна из тех самых студентов. И она – ясновидящая, что очень неплохо, согласишься?

Мейбл Пеин

Надо же было такому случиться, чтобы Сам позвал к себе в дом.

По дороге Мейбл перебрала в голове с десятков причин для подобного события, от более-менее вероятных до самых глу-

пых и странных. За все полгода пребывания господина Растифора в академии никто так и не удосужился побывать у него в гостях. Хотя Хонни с Моезом пытались... Напрашивались, уговаривали и даже вломиться хотели – все бесполезно. Новый преподаватель очень берег личное пространство. Едва ли не до смерти берег... недаром потом Хонни в медицинском крыле больше недели провел.

И вот Мейбл пришло приглашение. *«Будь моей гостьей, дорогуша, – прозвучало в ее голове прямо во время урока зельеварения. – Жду тебя с нетерпением. С таким нетерпением, что вот-вот сам за тобой явлюсь!»*

Первой мыслью было бежать из академии. И из столицы, разумеется. Куда-нибудь на юг, где солнышко, тепло и много доброжелательных людей – говорят, Растифор такое ненавидит. Правда, Мейбл и сама не очень жаловала чье-либо общество и редко выходила на улицу без нужды... Нет, на юг она не хотела.

Грустно вздохнув, Мейбл огляделась. Тесная темная прихожая не давала ответов, как не дал их и скелет-дворецкий, о котором столько говорили в академии. Открыв ей, он вежливо представился Бустиаром, попросил подождать и скрылся. Глядя в его спину, Мейбл подумала, что когда-нибудь обязательно сделает себе такого же. Сразу после того, как обуздает своенравные магические дары ясновидения и некромантии. Ну и дом приобретет, ведь разумной нечисти нужна крыша над головой...

– Хозяин ждёт вас, – проскрипел вернувшийся скелет, указывая Мейбл направление.

– Благодарю, – ответила она.

Немного помедлив, Мейбл подавила трусость и преодолела расстояние до приоткрытой двери.

– А, дорогуша, ты все же решила отозваться на приглашение! – услышала она голос, пропитанный сарказмом. – Я уж думал – не дождемся.

Мейбл сразу уловила, что он ждёт ее не один. И действительно, в комнате обнаружился второй человек. Девушка. Молодая, лохматая и встревоженная. В мантии с плеча господина Растифора – Мейбл сразу узнала две едва заметные подпалины на правом рукаве. Следующие несколько секунд ушли у нее на осмотр помещения.

«Кабинет, – постановила она, – и все вокруг пропитано защитной магией».

– Налюбовалась, дорогуша? – От господина Растифора не укрылось ее любопытство. – Может, теперь и нам время уделить?

– Добрый день, – кивнула Мейбл.

– Виделись уже, – напомнил преподаватель.

– Это я не вам. – Мейбл смотрела на незнакомку, чувствуя, что приглашение в дом получила как раз из-за нее.

– Здравствуйте, – вполне доброжелательно отозвалась та. Поднявшись с кресла, она одернула мантию, пряча босые ноги. – Меня зовут Аделина. А вас?

Мейбл удивленно посмотрела на господина Растифора. Тот сложил руки на груди и широко улыбнулся, после чего выдал совершенно издевательский вопрос:

– Ну что же ты такая невоспитанная? Представься нашей гостье.

– Вашей, – поправила его Мейбл, чувствуя большой-большой подвох в поведении и словах преподавателя.

– Нет, лапуля, – он медленно покачал головой, – я не оговорился. Это – НАША ОБЩАЯ гостья. Соломинка Ада.

– Да чтоб тебя, – неожиданно пробормотала гостья, упирая руки в боки. – Опять?! И сколько можно мусолить одну шутку? Комиком тебе точно не стать. Аделина я. Да, Соломинка. Считаю тему исчерпанной, пора переходить к ясновидению!

Мейбл нахмурилась, отступила назад.

– Куда? Ну-ка вернись, мы тут в тебе очень нуждаемся! – Господин Растифор поманил ее пальцем и сурово посмотрел на лохматую девицу, предупреждая: – Прекрати пугать мне студентку, Соломинка! Видишь, человек с тобой минуту знаком, а уже пятится.

– Студентку?! – возмутилась босоногая. – Мне обещали ясновидящую.

– Одно другого не исключает, – отмахнулся господин Растифор. Оттолкнувшись от стола, он быстро преодолел расстояние до Мейбл, взял ее за локоть и подвел к своей лохматой гостье, приказывая той: – Соберись, Соломинка, и нач-

ни уже мне помогать тем, что не будешь мешать. Нам нужна информация, и я ее получу. Ясно?

– Нет, – буркнула та.

Преподаватель раздраженно фыркнул и, больше ни слова не говоря, положил ладонь Мейбл на голое запястье девицы.

– Что ты видишь? – спросил он, сопя над ухом. – Рассказывай.

подавив порыв огрызнуться, Мейбл прикрыла глаза и, тяжело вздохнув, призвала самый непослушный свой дар. Секунда, вторая, третья – ничего не происходило. Холодная рука девушки лежала под ладошкой Мейбл, господин Растифор продолжал стоять раздражающе близко, а где-то вне комнаты раздался тихий всхлип. И еще один – уже гораздо ближе.

Мейбл хотела обернуться, но неожиданно поняла, что не может пошевелиться. Окаменела. Приросла к полу. И... услышала новый всхлип уже в своей голове.

Тогда же перед мысленным взором родилась картинка: шикарная блондинка, одетая в полупрозрачное платье, лежала на кровати и, кусая пухлые губы, смотрела перед собой, прямо на Мейбл.

– Это ничего, господин Растифор, – проговорила девушка, подавшись вперед и призывно выставя напоказ пышную грудь, – устали на работе, бывает...

Она осеклась и испуганно отшатнулась. Мейбл обернулась. Прямо за ней стоял заведующий темным факульте-

том. Господин Растифор выглядел растрепанным и очень злым. Застегивая на себе брюки, он зыркал по сторонам и явно не мог решить, как спустить пар. Наспех заправив рубашку, он посмотрел сквозь Мейбл и холодно проговорил:

– Скажешь о случившемся кому-то, Кора, и...

– Никому! – раздалось сзади. – Вы – замечательный любовник, это все знают. Просто сегодня не ваш день и...

Господина Растифора перекосило. Склонившись, он быстро обулся и, прихватив со спинки стула пиджак, вышел, бросив на ходу:

– Кажется, я знаю, откуда эта усталость!

Мейбл вынырнула из видения, тяжело дыша. Сделав несколько шагов назад, она уставилась на хмурого преподавателя и просипела:

– Я на вас жалобу Пустишу напишу.

– На меня? – Растифор усмехнулся. – Ты?! Это уже интересно. И что же ты такого увидела?

– Не что, а как! – рявкнула Мейбл. Ее голос охрип, а руки дрожали. – Я будто сама присутствовала внутри! Такого с моим уровнем дара быть не должно!

– Еще раз...

– Говорю вам, я была в борделе вместе с вами и некой блондинкой! Стояла прямо между вами, пока вы объяснялись по поводу того, что у вас ничего с ней не вышло!

Растифор выпрямился, покачал головой:

– Ну ты ври, да не завирайся, – проговорил он недоволь-

но. – Что значит не вышло?

И тут в их диалог вмешалась позабытая всеми Аделина. Слегка пошатнувшись, она свалилась в кресло и, нервно хихикнув, внесла ясность:

– Бедняжка Кора, кажется, так и не смогла доставить тебе удовольствие, из-за чего сильно испугалась. Интересно даже: не смог ты, а боялась девушка.

И она с презрением посмотрела на совершенно сбитого с толку Растифора.

– Не понял, – наконец отмер он.

– Этого не может быть, – прошептала Мейбл. – Вы все видели?

– Конечно, – кивнула Аделина. – А разве так не должно быть?

Мейбл медленно перевела взгляд на преподавателя. Тот задумчиво потер подбородок и тихо забормотал:

– Дела-а-а... Значит, соединение воедино... Связь не только со мной? Со всеми из пентаграммы?! Это... нехорошо.

– Да в чем дело? – нахмурилась Аделина. – Хватит с меня загадок. Покажите, как выбраться отсюда. Я просто хочу домой!

Господин Растифор отвернулся и, взяв лист бумаги со стола, принялся что-то быстро на нем писать. Аделина же, посмотрев ему в спину, перевела взгляд на Мейбл, быстро поднялась и, преодолев расстояние между ними, схватила за ру-

ку со словами: – Покажи мне дом!

На этот раз прикосновение обожгло. Мейбл даже хотела закричать, но снова превратилась в безмолвную куклу. А перед глазами уже появлялась новая картинка...

– Тиши, – шептала на ухо старуха, прижимая к себе хрупкое тело девочки лет семи, – нельзя плакать, Мейбл. Иначе нам придется уйти, а ты ведь хочешь посмотреть на нее в последний раз?

– Да, – шепнула девочка, приказывая себе быть сильной. Они стали пробираться сквозь радостно гудящую толпу к небольшому помосту. Вскоре туда вывели женщину, одетую в отрепье. Ее прекрасные черные волосы были сбиты в сплошной колтун, красивое лицо будто уменьшилось – заострилось, осунулось, всегда смеющиеся карие глаза и вовсе превратились в темные провалы.

– Мамочка, – шепнула Мейбл.

– Тиши, – старуха закрыла половину ее лица шершавой ладонью. – Совсем сдурила.

Женщина на помосте обернулась, словно услышала детский шепот. Безошибочно обнаружив ребенка, она несколько секунд смотрела... отдавала остатки тепла, а после резко отвернулась и, откинув голову, захохотала. Громко, гортанно, страшно.

Мейбл зажмурилась.

– Верла! – закричали люди вокруг. – Не дайте ей обернуться!

Толпа вокруг заволновалась, гул усилился. Но Мейбл все еще не находила сил открыть глаза. Кто-то больно толкнул их со старухой в бок, и тогда девочка посмотрела... В небе, далеко вверху, летела огромная черная птица – ворошка. Это означало, что верлы Эттаи больше нет и не будет никогда...

Старуха потащила Мейбл прочь, крепко сжимая бледную холодную ладошку.

– Идем домой, – ворчала она едва слышно из-за криков недовольной толпы, – ну все, ну все...

«Домой, – повторила Мейбл про себя, – но где теперь мой дом?»

– А ну, прекратить этот бардак! – От сильнейшей пощечины голову Мейбл мотнуло в сторону, а из глаз брызнули слезы. Ошарашенно уставившись на своего преподавателя, она, кажется, впервые за все время их знакомства заметила на лице господина Растифора истинное беспокойство.

– Прости, прости меня, – лепетала рядом девушка со странным именем. – Я не хотела, даже не думала, что... что... Да что это вообще было?!

– Забытое воспоминание, – пробормотала Мейбл, наконец найдя в себе силы говорить. – Запрещенное.

Коснувшись обожженной пощечиной щеки, она посмотрела на свои пальцы с остатками слез на них. Вот уже тринадцать лет Мейбл не плакала. И не помнила...

– Кто ты такая? – задала она вопрос, посмотрев в огром-

ные голубые глаза Аделины Соломинки. – Как ты смогла снять с меня верловскую печать? И почему между вами с господином Растифором связь? Вы супруги?

Глаза Аделины стали еще больше. Развернувшись к хозяйке дома, она задала единственный вопрос:

– Супруги?!

– Нет, – поморщившись, как от зубной боли, ответил он.

– Нет?! А ты уверен?! Это какое-то совсем неуверенное нет! – Голос девушки стал дрожать и срываться.

– Прекратить истерику! – попробовал остановить ее господин Растифор.

– Ну прости, что я не танцую от счастья! – всплеснула руками Аделина. – Твоя ясновидящая сказала, что у нас связь! А я, на минуточку, из другого мира и не собираюсь здесь задерживаться!

– Я и не задерживаю, – парировал господин Растифор, – знаешь, где портал? Вперед.

– И вот с этим я умудрилась занять связь! – пожаловалась Аделина, обернувшись к Мейбл. – Нормально? Наверное, во всем вашем мире хуже не найти, но я-то везучая!

– Хватит, – холодно проговорил господин Растифор, – ты мешаешь мне думать!

– Ох, ну прости, что мешаю! – В пылу речи, она сдула упавшую на глаза прядь волос и принялась наступать на хозяина дома, сыпля обвинениями: – Вырвал меня из родного мира, напугал, обозвал непонятно как со своей вороной!

Потом обманом притащил в свой дом...

– Почему это обманом? – совсем опешил преподаватель.

– Обещал накормить и согреть! – рявкнула Аделина, приподнимая серую мантию и показывая голые ступни с поджатыми пальцами. – Хорошо, хоть нечисть в доме приличную завел. Буститарчик – просто душка, не дал с голоду помереть.

– Это все? – устало спросил господин Растифор.

– Нет, не все, – уже гораздо тише ответила Аделина. – Я не успокоюсь, пока не поделюсь соображениями. Хочу знать, что там за связь. Шутка ли, знаю о тебе всего несколько фактов, и все они ужасны.

– Например? – преподаватель заломил бровь.

– Ты грубиян – это первое, – ничуть не смутившись, принялась загибать пальцы Аделина, – говоришь с воронами и скелетами – второе. С твоих рук с завидной периодичностью срывается тьма, способная усыпить даже единственных моих защитников – говорящие тапочки – третье...

– Простите, – вмешалась Мейбл, устав переводить зачарованный взгляд с одного говорившего на другую, – но я не только ясновидящая, но и ясновыслушающая, а потому не могли бы вы уточнить, что имели в виду под высказыванием «говорящие тапочки»?

– Это я про Карла и Мортимера, – любезно пояснила Аделина. – Они – моя обувь, сшитая в виде милых красных зайцев. И по стечению обстоятельств Карл с Морти немножко... ожили.

– Они – нечисть из другого мира, – прокомментировал ее слова Растифор. – И по сравнению с этим все мои скелеты – сущий пустяк.

– Может быть, – кивнула Аделина, – вот только до встречи с тобой мои тапочки не были такими! Нечистью их сделал этот безумный мир, и чувствую, я тоже недалеко от такого финала!

На этот раз она посмотрела еще и на Мейбл, взывая, должно быть, к ее совести или жалости. Но пробудить смогла лишь лютое любопытство.

– А можно на них посмотреть? – попросила та, чувствуя небывалый прилив сил. – Никогда о таком не слышала.

– Только посмотреть! – сурово ответил Растифор. – Хватит и того, что мы натворили, потрогав эту... Соломинку.

– Ну, знаешь! – выпалила Аделина и вдруг пошатнулась. Схватившись за плечо господина Растифора, чтоб не упасть, она успела шепнуть: – Вот и голодный обморок подъехал... – И упала преподавателю в руки, не подавая признаков жизни.

Глава 5

Связь

Аделина

Я горела и металась в бреду, пытаюсь проснуться и понимая, что не могу... Явь уплывала, снова и снова превращаясь в обрывочные воспоминания мальчика с необычным именем... Кайрид.

Сначала я видела его мальшиом в шикарном доме. Несколько няnek постоянно занимались щекастым бутузом, направляя и развлекая. Немного погодя я поняла, что не хватает чего-то важного.

Родителей. Друзей. Близких... их не было у Кайрида.

Он видел все это у других детей, с кем сталкивался на прогулках, и у мальчика появились вопросы, на которые никто не давал ответов. Взрослея, Кайрид начал злиться, требовать объяснений, замыкаться в себе. Его характер стал портиться, начались частые перепады настроения. Однажды во время очередного спора с няней в нем проснулась магия, едва не стоившая женщине жизни.

Тогда красивый дом сменили серые стены специальной школы для одаренных детей. С переездом шестилетнему Кайриду помогал серьезный господин в красивом костюме. Именно он рассчитал няnek, вырастивших малыша, и ве-

лел им исчезнуть. Затем, услышав тихий скулеж мальчика, мужчина присел перед ним на корточки и, сжав хрупкое плечико, посоветовал:

– Никогда больше ни к кому не привязывайся, это поможет избежать боли и вырасти настоящим сильным мужчиной. А теперь собирайся, тебя ждет великое будущее.

Кайрид долго смотрел в заднее стекло магобиля. Он не понимал, почему должен уезжать, ведь няня простила его за то происшествие... Или не простила? Тогда он мог бы поговорить с ней снова... Он задавался сотнями вопросов, пытаясь понять, почему никому не нужен? Почему вынужден уехать в другое место? И кто этот страшный человек, что увозит его?

Длинная дорога закончилась дикой усталостью, высоким забором и красивыми коваными воротами, открывающимися при приближении магобиля.

– Здесь тебе помогут разобраться с бушующей внутри силой, – сказала мальчику женщина в строгом черном платье. – Только у нас есть строгие правила, маленький господин, и их ты никогда не должен нарушать. Ты ведь не хочешь расстроить папу?

Она обернулась и испуганно посмотрела на строгого господина.

Так Кайрид узнал, что привезший его человек – его отец. Господин Одир Вайт. Это не принесло облегчения, лишь вызвало появление новых вопросов, на которые не было отве-

тов.

Время шло, мальчик рос... Высокий, красивый и себялюбивый, он неожиданно быстро обрел в школе друзей, признавших в нем лидера. Кайрид с удовольствием изучал магию начальной степени, с радостью заигрывал с девчонками и в качестве хобби нарушал правила. Много правил. Особенно часто это случалось во время каникул, когда все разъезжались по домам.

Кайрид жил в школе постоянно.

Отец не считал нужным забирать его и как-то оправдываться за это. Очень скоро из сплетен других учеников Кайрид узнал почему... Примерно тогда он и начал «проявлять характер» – так вычурно выражалась директор школы, говоря об очередных проделках господина Растифора.

Чаще всего, совершив пакость, мальчик уходил незамеченным, но даже если его ловили на горячем, он не расстраивался. В нем просыпалось тогда что-то злое, торжествующее. Он ждал. И вскоре в школу вынужденно приезжал высокий статный мужчина с надменным лицом. Перед появлением этого господина, способного уладить любые проблемы, все дико нервничало и суетилось.

Одира Вайта боялись, ненавидели и подчинялись во всем, ведь он был одним из двадцати герсоров Светлейшего Совета его величества! Важная персона в королевстве. Перед ним пресмыкались, предпочитая не злить даже в мелочах. И только Кайрид не боялся, он получал особенное, ни с чем не

сравнимое удовольствие от разочарования, отражающегося на породистом лице господина Вайта в каждый его приезд.

После разбирательств с директором Одир требовал оставить их с сыном наедине, сажал Кайрида напротив себя и долго пристально разглядывал, будто старался найти хоть толику того, за что можно зацепиться, чтобы полюбить мальчика. Чтобы смириться с тем, что это – его сын. Но никогда не находил. В итоге по лицу господина Вайта проносилась тень досады, он поднимался, бросал несколько фраз, бьющих сильнее любых настоящих ударов, и уходил, желая успехов в учебе и проявить себя хоть в чем-нибудь стоящем.

И все возвращалось на круги своя.

Остальных родных Кайрид никогда не видел. Он точно знал, что у матери – любовницы герсорта, умершей при родах – были небедные родители и две младшие сестры. Став немного взрослее, он набрался смелости и написал им, но ответа не получил. Со временем Кайрид убедил себя, что виной тому также господин Одир Вайт – его отец; убедил, что именно герсорт напугал их, оберегая своего незаконнорожденного отпрыска от плохого влияния. Так было проще оправдать людей, отказавшихся от него.

Картинки из жизни Кайрида следовали одна за другой, знакомя с его школьными годами, интересами и даже влюбленностями. Он становился взрослее, и безобидные шало-

сти превращались в более злые, пока однажды не пострадал его друг из неблагополучной семьи. Роб, учащийся в школе по специальной королевской квоте, был невероятно одарен магически, и так вышло, что именно ему отменили бесплатное содержание за очередную совместную проделку с Кайридом.

— Ты лишил его будущего, — проговорил господин Вайт в очередной свой приезд. — Мальчишку исключат. Он будет мести улицы, потому что связался с тобой. Такова цена дружбы с Кайридом Растифором. Ты доволен?

Не дожидаясь ответа, герсорт поднялся и, как всегда, собирался уйти. Кайрид остановил его и впервые попросил о помощи. Тогда он получил условие: отличное завершение школы и обучение на любом из факультетов Мирдбургской академии стихий. Отец знал, что Кайрид мечтал о путешествиях и не собирался учиться дальше, но поймал на крючок. Господин Вайт заставил его заключить магическое соглашение, дав очередной урок о том, чем чреваты привязанности...

Свобода откладывалась. Но и тут Кайрид придумал, как насолить герсорту в ответ. В академии был единственный факультет, который считался недостойным среди отпрысков знати королевства. Поступить на него было невероятно сложно, а продержаться все пять лет — и того тяжелее. Но что не сделаешь ради господина Вайта?

В шестнадцать лет Кайрид успешно поступил на темный факультет, получив королевскую квоту...

– Адочка, детка, ты решила пережить зиму в кровати? – Моего лица коснулась мягкая лапа, и мне наконец удалось вырваться из чужой жизни. – Напоминаю, людям необходимо просыпаться раз в сутки, чтобы потрепать нервы другим людям! Иначе что это за жизнь?

– Дай человеку прийти в себя после пережитого! – раздалось рядом, с другой стороны. – Адочка, как ты?

– Не очень, – призналась честно.

– Ничего, сейчас мы тебя на ноги поставим! И приоденем! Благо одежду твоего размера принесли.

– И завтрак, – перебивая друг друга, рассказывали розовые зайцы. – Ну действительно, надо вставать, а то этот Рас-тифор рвет и мечет. Всю ночь вваливался сюда, как припадочный, слушал, как ты дышишь, и оттягивал веки, заглядывая в глаза. Маньяк, клянусь! Бежать бы нам...

Я с трудом приходила в себя после слишком реального сна. Прищурившись, с новым интересом посмотрела на две холеные морды, маячившие передо мной. Теперь почти ничто не напоминало о том, что несколько дней назад это были обыкновенные тапки.

Большие раскосые глаза смотрели внимательно, черные кожаные носики чуть шевелились, ушки торчали вверх, как антенны. Даже лапы появились!

– Вы стали еще живее, – пробормотала немного сипло, – как это возможно?

– Магия! – радостно оскалился Карл. Его рожица выглядела особенно наглой и счастливой. – В этом мире все ею пропитано, детка. А какое здесь мясо подают! Мм-м...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.